

МАШИНА

ОТКРОВЕНИЯ
РАЗРАБОТЧИКА ПЛАНА
ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

СУДНОГО

ДЭНИЕЛ ЭЛЛСБЕРГ

ДНЯ

Долгожданная книга человека, который
первым раскрыл секреты Пентагона.

ЭДВАРД СНОУДЕН

Дэниел Элсберг

**Машина Судного дня.
Откровения разработчика
плана ядерной войны**

«Альпина Диджитал»

2017

Элсберг Д.

Машина Судного дня. Откровения разработчика плана ядерной войны / Д. Элсберг — «Альпина Диджитал», 2017

ISBN 978-5-9614-1249-9

Дэниел Элсберг рассказывает об опасности и безрассудстве ядерной политики, которую США проводят уже более 70 лет. Он впервые раскрывает детали американской ядерной программы 1960-х гг., которая предполагала превентивный удар по СССР. Вы узнаете все о хаосе в среде военного командования США: от ситуации на самых удаленных авиабазах в тихоокеанском регионе, где право на принятие решения об использовании ядерного оружия передается с одного уровня командования на другой, до секретных планов всеобщей ядерной войны, которая привела бы к уничтожению всего человечества.

ISBN 978-5-9614-1249-9

© Элсберг Д., 2017
© Альпина Диджитал, 2017

Содержание

Пролог	8
Введение	10
Часть I	21
Глава 1	21
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36
Комментарии	

Дэниел Эллсберг
Машина Судного дня: Откровения
разработчика плана ядерной войны

МАШИНА

ОТКРОВЕНИЯ
РАЗРАБОТЧИКА ПЛАНА
ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

СУДНОГО

ДЭНИЕЛ ЭЛСБЕРГ

ДНЯ

Перевод с английского

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва

2018

Переводчик *Вячеслав Ионов*
Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *А. Василенко*
Корректор *Е. Аксёнова*
Компьютерная верстка *К. Свищёв*
Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

© Daniel Ellsberg, 2017

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблицер», 2018

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Посвящается борцам за будущее человечества

*Выпущенная на волю энергия атома изменила все, кроме нашего образа мышления, и это ведет нас к беспрецедентной катастрофе.
Альберт Эйнштейн, 1946 г.*

*Безумие отдельных людей – довольно редкое явление; но безумие групп, партий, наций и эпох – обычное дело.
Фридрих Ницше*

Пролог

Весной 1961 г., когда мне только-только исполнилось 30 лет, я узнал, как может выглядеть конец нашего мира. Нет, не гибель Земли, не исчезновение человечества с лица планеты (как я ошибочно тогда полагал), а уничтожение большинства городов и населения Северного полушария. Что мне удалось увидеть в офисе Белого дома, так это один-единственный листок бумаги с простой диаграммой. На нем красовалась шапка «Совершенно секретно – чувствительная информация», а под ней значилось: «Лично президенту».

Пометка «лично» означала, что, по идее, документ должен прочитать только тот, кому он прямо адресован, т. е. президент в данном случае. На практике, однако, его читают также секретари и помощники, но это мизер по сравнению с десятками, а то и сотнями людей, которые обычно видят совершенно секретный документ, даже когда на нем есть надпись «чувствительная информация», предполагающая особый контроль по бюрократическим или политическим соображениям.

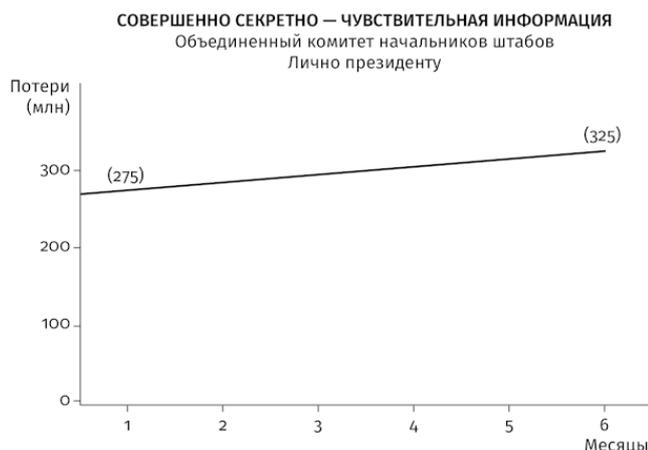
Позднее в период работы в Пентагоне в качестве специального помощника в штате министра обороны мне не раз доводилось читать телеграммы и меморандумы, адресованные лично кому-то, хотя я и не был адресатом. В то время для меня, как для консультанта Министерства обороны, знакомство с совершенно секретными документами было обычным делом, но информацию с пометкой «Лично президенту» я видел в первый и последний раз.

Ее показал мне мой друг и коллега Боб Комер, занимавший тогда пост заместителя советника президента по вопросам национальной безопасности. По титульному листу я понял, что это был ответ на вопрос, который президент Кеннеди адресовал Объединенному комитету начальников штабов (JCS) неделю назад. Комер сделал это потому, что именно я сформулировал вопрос, который он от имени президента передал в комитет.

Вопрос выглядел так: «Если ваши планы всеобщей [ядерной] войны пойдут как задумывалось, сколько людей погибнет в Советском Союзе и Китае?»

Ответ был представлен в форме диаграммы. На вертикальной оси откладывались потери в миллионах, а на горизонтальной – время в месяцах. Диаграмма представляла собой прямую линию, которая начиналась на вертикальной оси в точке, обозначавшей предполагаемое количество жертв в течение нескольких часов после нашего удара, а затем шла вверх и достигала максимума через шесть месяцев – условного предела потерь в результате ранений и радиоактивного заражения. Диаграмма далее воспроизведена по памяти – такое забыть невозможно.

Наименьшее число жертв в левой части Диаграммы составляло 275 млн, а справа, через шесть месяцев, оно увеличивалось до 325 млн.

Тем же утром я подготовил еще один вопрос, который предполагалось направить начальникам штабов за подписью президента. В нем запрашивались данные о глобальных потерях от наших ударов, не только в советско-китайском блоке, но и в других странах, которые должны пострадать в результате выпадения радиоактивных осадков. И вновь ответ не заставил себя ждать. Комер показал его мне примерно через неделю. На этот раз в документе приводилась таблица с пояснениями.

В соответствии с прогнозом в Восточной Европе в сумме должны были погибнуть еще 100 млн человек. Радиоактивное заражение могло погубить 100 млн человек и в Западной Европе в зависимости от направления ветра (по большому счету все определялось временем года). Так или иначе, независимо от времени года ожидалась гибель не менее 100 млн человек в нейтральных странах вблизи границ советского блока и Китая: в Финляндии, Австрии, Афганистане, Индии, Японии и др. Радиоактивное заражение после ядерных ударов по укрытиям для советских подводных лодок в Ленинграде должно было, например, полностью опустошить Финляндию.

Суммарные потери от первого американского удара по Советскому Союзу и странам Варшавского договора, а также по Китаю Объединенный комитет оценивал примерно в 600 млн человек. Это сотня холокостов.

Я хорошо помню чувства, захлестнувшие меня при виде этого листка бумаги с диаграммой. Я думал: «Такому листу бумаги не место на Земле. Он не должен был появиться на свет. Не в Америке. Нигде, никогда. Это картина самого большого зла за всю историю человечества. На Земле не должно произойти ничего такого, о чем в нем говорится».

Один из основных ожидаемых эффектов этого плана – отчасти желательный, отчасти (в союзных и нейтральных странах, а также в странах-сателлитах) нежелательный, но предсказуемый и приемлемый – так называемый «сопутствующий урон» был подытожен на втором листке бумаги, который я увидел неделю спустя весной 1961 г.: уничтожение более полумиллиарда человек.

С того дня главной целью моей жизни стало предотвращение реализации подобных планов.

Введение

На протяжении тех двух лет, когда я находился под обвинением в копировании совершенно секретных документов Пентагона, двух последующих лет, когда велось расследование Уотергейтского дела, а потом еще более 40 лет один вопрос так и не был предан огласке. В нашей команде защиты во время разбирательства в курсе дела, кроме меня, был лишь мой главный поверенный Леонард Боудин. Ни его помощники, ни мой соответчик Тони Руссо, ни моя жена Патриша ничего не знали об этом.

Во время судебного процесса в Лос-Анджелесе репортеры, в том числе и Питер Шрэг, писавший книгу об этом деле, неоднократно спрашивали меня: «Как долго вы копировали документы? Сколько времени на это ушло?» Я неизменно уходил от ответа и менял тему. Откровенное признание показало бы, что так много времени на копирование одних лишь документов Пентагона не требуется, и неизбежно привело бы к вопросу, на который мне не хотелось отвечать: «Что еще вы копировали?»

Дело в том, что с осени 1969 г. до момента моего ухода из корпорации RAND в августе 1970 г. я копировал все совершенно секретные документы, попадавшие в сейф моего офиса, а также документы из других сейфов (документы Пентагона объемом 7000 страниц – лишь часть снятых копий), общий объем скопированных документов составлял порядка 15 000 страниц. Копии делались в нескольких экземплярах. Я собирался раскрыть все, а не только документы Пентагона. Так вот, это самое намерение, а также характер других скопированных документов и держались в тайне с момента копирования до настоящего времени.

Многие из этих документов^[1] имели отношение к Вьетнаму, включая совершенно секретную работу, которую я выполнял в конце 1968 г. – начале 1969 г. для Генри Киссинджера после того, как избранный, но еще не вступивший в должность президент Ричард Никсон назначил его советником по национальной безопасности. Однако по большей части то, что я скопировал (так называемые «другие документы Пентагона»), состояло из моих заметок и исследований, связанных с секретными планами ядерной войны, системами управления и контроля ядерных вооружений, а также с ядерными кризисами. Это были стенографические выдержки и копии критически важных документов, прошлые планы ведения войны (ни один из них уже не был текущим на тот момент), телеграммы и результаты исследований, выполненных мною и другими, включая некоторые исследования по ядерной политике^[2], осуществленные персоналом возглавляемого Киссинджером Совета национальной безопасности.

Большинство людей слышали обо мне в последние 47 лет лишь в связи с публикацией результатов исследования процесса принятия решений руководством США во время войны во Вьетнаме, которые получили название «документы Пентагона». Возможно, они знают также, что я получил доступ к этому исследованию, поскольку помогал в его проведении, и что до этого я занимался планами эскалации Вьетнамской войны в Пентагоне, а позднее работал на Госдепартамент в Южном Вьетнаме.

Менее известно, что задолго до всего этого я работал в качестве консультанта от корпорации RAND в структуре национальной безопасности США по совершенно другим вопросам: ядерное сдерживание и предотвращение или, если это вообще возможно, ограничение ядерного конфликта сверхдержав. Корпорация RAND – это некоммерческая организация, созданная в 1948 г. в основном для проведения закрытых исследований и аналитических изысканий в интересах военно-воздушных сил США.

Весной 1961 г. я подготовил проект секретного руководства^[3] по оперативному планированию в случае всеобщей ядерной войны, который министр обороны Роберт Макнамара распространил среди членов Объединенного комитета начальников штабов. В январе того же года я информировал Макджорджа Банди, только что вступившего в должность советника пре-

зидента Кеннеди по национальной безопасности, о деталях и рисках существующей системы ядерного планирования. Именно после этого я получил в Белом доме доступ к упомянутой выше секретной оценке потерь от планировавшихся в то время ядерных ударов.

На протяжении следующего года я был единственным человеком, обслуживавшим сразу две рабочие группы, которые подчинялись Исполнительному комитету Совета национальной безопасности (СНБ) во время Карибского ракетного кризиса. Год спустя, перед тем, как стать штатным гражданским сотрудником Министерства обороны высшего уровня^[4], я единолично выполнял межведомственное исследование прежних ядерных кризисов с участием США, включая кризис на Корейском полуострове, Карибский кризис, Берлинский кризис, кризис в Тайваньском проливе, Ливанский и Суэцкий кризисы, и имел доступ к документам с более высоким грифом, чем «совершенно секретно». В результате я стал обладателем практически уникальных на тот момент знаний о характере наших ядерных планов и операциях ядерных сил, ну и, конечно, об опасности, которую они представляли.

Итак, до сих пор почти никто не знал, что вскоре после начала копирования документов Пентагона и всего остального связанного с Вьетнамом из моих сейфов в корпорации RAND (куда я вернулся по окончании работы во Вьетнаме) я решил, что значительно важнее обнаружить *другие* документы, относящиеся к ядерным вооружениям. Мне хотелось открыть глаза Конгрессу, моим согражданам и всему миру на угрозу, которую представляла американская ядерная политика в последнюю четверть века. Практически ни у кого из известных мне людей не было ни документов, сопоставимых с моими, ни тем более желания раскрывать масштабы существующих угроз. Документы, по моим представлениям, были принципиально важными для подтверждения реальности того, что иначе выглядело как простые домыслы.

Я рассказал о том, что собираюсь сделать^[5], лишь одному человеку. Это был Рэнди Келер, чей отказ от призыва на военную службу месяц назад послужил для меня толчком. Он должен был отправиться в тюрьму вскоре после нашего разговора в Сан-Франциско в ноябре 1969 г. Я хотел показать ему до того, как он окажется за решеткой, насколько важен его пример для меня, а кроме того, мне хотелось получить совет от него, как от антивоенного активиста.

Его оценка относительной важности информации о ядерном оружии и результатов исследования, связанного с Вьетнамской войной, (впоследствии получивших название «документы Пентагона») совпадала с моей. По существу, Келер призывал меня забыть о документах Пентагона. «Мы уже и так знаем о Вьетнаме все, что нужно, – говорил он. – Раскрытие новых фактов ничего не изменит. Из ваших слов следует, что вы – единственный, кто может предупредить мир об опасностях, которые несут наши ядерные планы. Именно этим вам надо заниматься».

Я ответил, что «согласен с такой оценкой, но бомбы рвутся сейчас во Вьетнаме. Если выложить все сразу, включая ядерные материалы, то пресса не обратит внимания на то, что касается Вьетнама. Думаю, сначала нужно сделать все, что может приблизить конец войны. Ну а потом можно заняться ядерными откровениями».

В соответствии с этой тактикой я отделил заметки и документы, касавшиеся ядерных вооружений, от вьетнамских материалов и передал их моему брату Гарри на хранение в его доме в Хейстингс-он-Гудзон, округ Уэстчестер, штат Нью-Йорк.

На мой взгляд, это были самостоятельные группы документов, раскрывать которые следовало в два этапа – сначала вьетнамские материалы, а потом ядерные. Таким образом, получив в 1971 г. обвинение и четыре федеральных судебных запрета после публикации части документов Пентагона в 19 газетах, я отложил обнародование материалов по ядерному оружию до окончания судебного разбирательства. Именно поэтому мне так не хотелось услышать вопрос «Что еще вы копировали?», который вынудил бы меня раскрыть документы по ядерному оружию до того, как вьетнамские материалы сделают свое дело.

Не исключено, что ждать пришлось бы до окончания намечавшегося второго разбирательства в связи с *распространением* документов Пентагона. Во время первого в Лос-Андже-

лесе меня и моего друга и «сообщника» Тони Руссо, помогавшего мне вначале, обвиняли главным образом в копировании и завладении документами. Одновременно в Бостоне было собрано отдельное закрытое большое жюри^[6] для расследования распространения и публикации документов Пентагона. Оно собиралось предъявить новое обвинение мне – Тони не имел отношения к более поздним этапам – и репортерам *New York Times* Нилу Шихану, Хедрику Смиуту, а вместе с ними, возможно, и другим, с кем я поделился документами, включая Ноама Хомски, Говарда Зинна и Ричарда Фалька.

Я готовился к тому, что третье разбирательство – в связи с разглашением ядерных секретов – станет для меня роковым. Мне из него не выпутаться. Это реальный шанс для прокуроров дать мне пожизненный срок, и они наверняка не упустят его, если им не удастся добиться своего раньше.

Все обернулось иначе по довольно неожиданным причинам. После почти двухлетнего разбирательства, грозившего мне заключением на срок 115 лет, 12 пунктов первоначального обвинения были сняты без права повторного рассмотрения (иными словами, мне уже не могли предъявить их вновь), когда вскрылись противоправные действия Белого дома в процессе судебного преследования.

Как оказалось, президента Никсона проинформировали^[7] о том, что помимо документов Пентагона я скопировал еще кое-какие материалы Совета национальной безопасности. Он, по всей видимости, испугался, что я могу раскрыть и документально подтвердить его негласные угрозы Северному Вьетнаму расширить военные действия, вплоть до применения ядерного оружия. Чтобы не допустить обнародования этих угроз – которые уже привели к продлению войны на два года, распространению военных действий на Камбоджу и Лаос, а также пополнили список погибших во Вьетнаме американцев на 20 000 человек, – с подачи Никсона был предпринят целый ряд противоправных действий, призванных заткнуть мне рот.

Эти действия – включая несанкционированное прослушивание, проникновение в офис моего бывшего психоаналитика в поисках материалов для шантажа, незаконное использование ЦРУ и неудачную попытку «полностью лишить меня дееспособности», – когда они всплыли, сыграли немалую роль в объявлении импичмента Никсону, который привел к его отставке и прекращению военных действий девять месяцев спустя. Они также подмочили аргументы второго обвинения в распространении документов Пентагона, в результате чего большое жюри в Бостоне было распущено, а разбирательство прекращено.

Так или иначе, это не Белый дом и не его противоправные действия^[8] не дали мне представить миру в середине 1970-х гг. тысячи страниц заметок и документов о грозящем нам ядерном холокосте, которые были скопированы в RAND. Причиной стало стихийное бедствие – тропический ураган. Моя жена Патриша называет его посланием небес, поскольку, хотя он и разрушил мои планы и поверг меня в отчаяние, позволил мне остаться на свободе и провести следующие 40 лет рядом с любимым человеком, а не за тюремной решеткой.

После того, как я передал документы по ядерному оружию Гарри, он хранил их на протяжении почти двух лет до 13 июня 1971 г. в подвале своего дома в Хейстингс-он-Гудзон, где жил вместе со своей женой Софией. Затем, когда газетам *New York Times* и *Washington Post* запретили публиковать материалы, а меня и Патришу объявили в розыск, Гарри спрятал коробку с документами, упакованную в зеленый мешок для мусора, в компостной куче на заднем дворе.

В течение следующих 13 дней^[9], пока ФБР разыскивало нас, мы с помощью друзей и группы антивоенных активистов (я называл их про себя «Бандой с Лавендер-Хилл» – в честь фильма с Алеком Гиннесом в главной роли) передали копии вьетнамских материалов еще 17 газетам. Гарри тем временем перепрятал документы, и не зря. На следующий день сосед рассказал ему, что видел, как люди в штатском исследовали компостную кучу в его дворе с помощью длинных металлических прутьев.

На этот раз Гарри спрятал коробку в пластиковом мешке на городской свалке. Он выкопал яму в откосе мусорной кучи у грунтовой дороги, идущей вокруг свалки. Чуть выше этого места на склоне кучи лежала старая газовая плита, ориентируясь на которую можно было найти документы.

Тем летом, однако, вскоре после того, как мне предъявили обвинение, на Хейстингс-он-Гудзон обрушился ураган (тропический циклон «Дория»). Откос мусорной кучи размыло, он расползся по дороге и по склону за ней. Плита откатилась на полсотни метров от своего прежнего места. Гарри не сказал мне, что произошло, и еще несколько недель пытался отыскать потерянную коробку. Он со своей приятельницей Барбарой Денайер и ее мужем проводил в поисках выходные за выходными. Они даже наняли бульдозер-экскаватор, чтобы переверачивать мусор. (У водителя, муниципального служащего, потом были неприятности, когда выяснилось, что он позволил использовать бульдозер в частных целях. Барбара сказала ему, что они ищут случайно выброшенную рукопись диссертации.)

Они, конечно, нашли зеленый мусорный мешок, да не один – на свалке их счет шел, наверное, на тысячи, – но секретные документы так и не отыскали. Муж Барбары вскоре отказался от поисков, в конечном счете сдался и Гарри, но Барбара, иногда вместе с дочерью, продолжала раскопки чуть ли не год.

Я в то время находился под судом и не слишком задумывался о результатах поисков. Героические усилия Гарри поддерживали во мне надежду на то, что в конце концов сокровища найдутся. Надежда теплилась почти до самого конца разбирательства, когда Гарри сообщил, что значительную часть мусора со свалки вывезли для захоронения в котловане строящегося по соседству кондоминиума и вот-вот залиют бетоном. Теперь, как он выразился, продолжить поиски без динамита не удастся. Это была горькая шутка – документы исчезли безвозвратно.

С тех пор прошло 45 лет, но большинство из того, что я спрятал, по-прежнему остается секретом. То, что не удалось вытащить на свет с помощью экскаватора и динамита, так и пролежало в сейфах полвека, даже несмотря на Закон о свободе информации. Вместе с тем немало из потерянного было рассекречено, особенно в последние 32 года в результате запросов в соответствии с Законом о свободе информации и настойчивых обращений Уильяма Берра из неправительственной организации National Security Archive^[10] Университета Джорджа Вашингтона. Немалый вклад в этот процесс внес Фред Каплан, выпустив замечательную книгу «Творцы Армагеддона» (The Wizards of Armageddon, 1983), глубокое исследование современной секретной истории, в основу которого были положены интервью и иски о нарушении Закона о свободе информации. К настоящему времени опубликован достаточный объем материалов, подтверждающих приведенную ниже информацию.

Помимо прочего, я, пользуясь благами цифровой эпохи, разместил все свои документы, воспоминания и заметки, а также выдержки из этой книги на моем сайте ellsberg.net. С тем, что представлено в этой книге, тесно связаны десятки важных вопросов^[11], которые невозможно рассмотреть здесь, в частности обстоятельства и события, произошедшие после 1960-х гг. К целому ряду из них я обращаюсь на своем сайте и на других интернет-ресурсах.

Меморандумы и документы, которые упоминаются в этой книге, можно найти на моем сайте в разделе Doomsday. В их число входит все, что осталось в моем распоряжении со времен работы в корпорации RAND, в Пентагоне и во Вьетнаме в 1950-е и 1960-е гг., в том числе очень объемные папки по Карибскому ракетному кризису и кризису в Тайваньском проливе 1958 г., а также мои проекты руководства 1961 г. по планированию использования стратегических сил и средств и сопроводительные записки. Кроме того, к тексту постоянно добавляются примечания со ссылками на страницы изданий, для которых не хватило места в разделе «Примечания» этой книги. Я публикую на сайте и в других местах комментарии по текущим событиям, таким как нынешний северокорейский ядерный кризис.

* * *

Представленные далее факты, подтвержденные рассекреченными в последнее время документами^[12] (многие из которых упоминаются в примечаниях), а также заметками и материалами на моем сайте, ясно показывают, почему ради их оглашения почти полвека назад стоило рисковать свободой. Я без сомнения пошел бы на этот риск сегодня, будь в моем распоряжении такие же документы, как тогда. В их отсутствии я пытаюсь разными путями и средствами^[13] привлечь внимание публики в Америке и других местах к тому, что хотел раскрыть еще в те времена. На мой взгляд, этот вопрос нельзя считать делом истории – как ни печально, но кардинальным образом ничего не изменилось.

До сих пор, насколько можно судить по открытой литературе^[14] (которую, хотя она несравненно более детальна и содержательна, чем то, что публиковалось в 1960-х и 1970-х гг., ни в коей мере нельзя считать исчерпывающей), вводная информация, предоставляемая новому советнику президента по национальной безопасности в 2017 г., почти ничем не отличается от той, что я предоставлял Макджорджу Банди, советнику президента Джона Кеннеди, в январе 1961 г. (см. главу 7) и несколько лет спустя. (Приведенные на следующих страницах данные о ядерной зиме, однако, были раскрыты лишь через десятилетия, так же, как и ключевые моменты Карибского ракетного кризиса и еще нескольких ложных сигналов тревоги.) Забегая вперед, скажу, что советник (или сам президент Трамп, если он присутствует на брифинге) получает сведения, которые были известны мне по большей части еще в конце 1950-х – начале 1960-х гг.:

- Базовые элементы американского ядерного щита остаются сегодня такими же, какими они были почти 60 лет назад: тысячи носителей ядерных боеголовок в состоянии повышенной боевой готовности нацелены главным образом на российские военные цели, включая командные пункты в городах или недалеко от них. Официально *заявляемая* идея такой системы всегда заключалась в сдерживании и при необходимости в ответе на агрессивный первый ядерный удар России по Соединенным Штатам. Подобное широко афишируемое представление – это намеренный обман. Сдерживание Советского Союза и ответ на ядерное нападение *никогда* не были единственной и даже главной целью наших ядерных планов и приготовлений. Характер, масштабы и размещение наших стратегических ядерных сил всегда преследовали совершенно другую цель: ограничение ущерба от возмездия Советского Союза или России в ответ на *первый удар* США по СССР или России. Их возможности, в частности, должны подкреплять реальность угроз США нанести ограниченный ядерный удар или угроз «первого использования» в региональных, первоначально неядерных, конфликтах с участием Советского Союза, России или ее союзников¹.

---

¹ Хотя в этой книге и примечаниях пентагоновский жаргон почти не используется, некоторые терминологические нюансы все же присутствуют. Так, технически «первый удар» (т. е. удар одной из сверхдержав, США или СССР/России) отличается от «первого использования» ядерного оружия любым из девяти нынешних ядерных держав. Под «первым ударом» понимается полномасштабная попытка одной из сверхдержав – Советского Союза / России или Соединенных Штатов – максимально обезоружить другую сверхдержаву и предотвратить или ограничить ее ответ путем нанесения удара с использованием «стратегических» систем вооружения большого радиуса действия и относительно высокой мощности по всем вооруженным силам противника, особенно по стратегическим ядерным силам в местах их базирования на суше и море. Под «первым использованием» Соединенными Штатами или другими ядерными державами понимается любой другой ядерный удар, независимо от того, является противник ядерной державой или неядерным государством (как в случае первого использования ядерного оружия против Японии в 1945 г.). Хотя стратегические вооружения имеются у девяти государств, ни у кого, кроме Соединенных Штатов и Советского Союза / России, никогда не было возможности нанесения «первого удара», т. е. возможности попытаться обезоружить ядерного противника. Помимо стратегических вооружений большого радиуса действия все они имели (и все, кроме Франции и Великобритании, имеют) «тактическое» ядерное оружие малого радиуса действия и малой мощности, которое пригодно для первого использования против неядерных стран или ядерной державы. Нанесение обезоруживающего, «ограничивающего ущерб» первого удара в ожидании – возможно на основе «тактического предупреждения» от радиолока-

• Стратегические системы США всегда представляли собой силы *первого удара*: они не были ни при одном президенте средством неспровоцированного неожиданного нападения, но при этом никогда не рассматривались как средство «второго» удара, если первый можно было предотвратить упреждающим ударом. Несмотря на официальное отрицание, упреждающий «пуск по сигналу предупреждения» – либо тактического предупреждения, либо стратегического предупреждения о неизбежности ядерной эскалации – всегда был центральной частью нашей стратегии.

• Говорят, во время избирательной кампании 2016 г. Дональд Трамп поинтересовался в отношении ядерного оружия у консультанта по внешней политике: «Если оно у нас есть, то почему мы не можем использовать его?»^[15] Правильный ответ: так мы его используем. Несмотря на избитое утверждение, что «после Хиросимы и Нагасаки ядерное оружие больше не применялось», американские президенты пользовались им десятки раз в периоды «кризисов» по большей части в тайне от нашего народа. Оно использовалось точно так же, как пистолет, который направляют на кого-то во время стычки, не обязательно нажимая на курок. Добиться своего, не нажимая на курок, – главная цель приобретения пистолета (см. главу 20).

Помимо прочего, «расширенное сдерживание» с участием союзников в Европе и Японии держится на нашей регулярно озвучиваемой готовности осуществить *первое использование* (ограниченный ядерный удар с применением тактических систем малого радиуса действия) и/или, потенциально, нанести обезоруживающий *первый удар* по территории СССР/России с применением стратегических вооружений в случае крупномасштабных боевых действий *без использования ядерного оружия*.

Во время предвыборной гонки в 2016 г. нынешний президент Дональд Трамп неоднократно упоминал о своем нежелании «отказываться от рассмотрения» угрозы первого использования ядерного оружия в конфликтах любого рода, включая борьбу с ИГИЛ и столкновения в Европе. (При этом он говорил, что будет «последним, кто прибегнет к ядерному оружию», если, очевидно, не окажется первым^[16].) Во время первых дебатов его спросили: «Говорят, что президент Обама намеревался изменить нашу многолетнюю политику в области ядерного оружия [т. е. отказаться от стратегии первого использования]. Вы поддерживаете нынешнюю политику?»

Имея две минуты на ответ, Трамп сказал среди прочего: «Я не хотел бы положить ей конец, просто отбросить ее. Но я точно не нанесу удар первым². На мой взгляд, раз существует альтернатива ядерному конфликту, то вопрос исчерпан. В то же время мы должны сохранять готовность. Я не могу отказываться от рассмотрения никакой возможности».

В своем двухминутном выступлении Хиллари Клинтон не стала повторять слова Трампа насчет отказа от рассмотрения возможностей и отвечать на этот вопрос, однако заметила, что «мы обязаны предоставлять гарантии нашим союзникам... у нас есть договоры о взаимной обороне, и их надо выполнять». Вместе с тем, очевидно, если бы ее прижали, экс-госсекретарь сказала бы примерно то же самое, что и Трамп. Наши договоры о взаимной обороне никогда не ограничивали право США на первое использование ядерного оружия. (Будучи кандидатом на пост президента в 2008 г., она упрекала сенатора Барака Обаму за слова об *отказе* от использования ядерного оружия против Пакистана и говорила, что президент никогда не должен объявлять о том, какое оружие он будет или не будет применять.)

Между тем вплоть до конца 2016 г. президент Обама под влиянием возражений министров обороны, иностранных дел и энергетики, а также союзников США не отказывался от политики первого использования, о чем свидетельствует его «Доклад о ядерном потенциале»

ционных и спутниковых систем слежения – неминуемого первого удара со стороны противника называют «упреждающим» или «вторым первым ударом».

² См. предыдущую сноску, где объясняется разница между «первым ударом» и «первым использованием». Здесь речь идет о втором термине.

в 2010 г. и в последнем году на посту президента. Он, как и *все* американские президенты со времен Трумэна, проводил политику угрозы развязывания ядерной войны. Унаследовавший эту политику президент Дональд Трамп продолжает применять то, что Ричард Никсон называл «теорией безумца», с несколько большей благопристойностью, чем некоторые из его предшественников.

- Такая угроза ядерного удара Соединенных Штатов по любому государству, у которого может возникнуть конфликт с ними (вроде Северной Кореи), упорное нежелание США принять обязательства по отказу от первого использования всегда были препятствием на пути эффективной кампании против распространения ядерного оружия. Ситуация ничуть не изменилась и на этот раз при президенте Трампе. Она фактически подталкивает к приобретению ядерного оружия теми государствами, которые хотят либо что-то противопоставить угрозам США, либо создать видимость этого. К такому же результату приводят и другие аспекты ядерной политики США. Наше упорное нежелание расстаться с арсеналом из тысяч боеголовок, многие из которых находятся на боевом дежурстве, через четверть века после окончания холодной войны делает мало убедительными уверения в том, что у большинства других государств мира «нет необходимости» создавать свою бомбу.

- Что касается заранее спланированных, санкционированных американских стратегических атак, то система всегда предполагала ответ на значительно более широкий круг событий, чем общество может себе представить. Более того, президент *никогда* не был единственным, кто мог отдать приказ о применении ядерного оружия, круг имеющих право сделать это не ограничивается даже высшими военачальниками (см. главы 3 и 7).

Как я выяснил в процессе своего исследования системы управления и контроля ядерных вооружений^[17] в конце 1950-х гг., президент Эйзенхауэр втайне от широкой публики передавал право нанесения ядерных ударов командующим войсками в разных ситуациях, включая отсутствие связи с Вашингтоном (обычное дело в Тихоокеанском регионе) и потерю президентом способности принимать решения (что случилось с Эйзенхауэром дважды). Получив такое право, командующие, в свою очередь, передавали его в сопоставимых кризисных ситуациях нижестоящим командирам.

К моему удивлению, после того, как я проинформировал команду президента Кеннеди об этой политике и ее рисках, Кеннеди продолжил ее (а не отказался от решения своего предшественника – «великого командующего»). Точно так же поступили президенты Джонсон, Никсон и Картер. Практически наверняка это можно сказать и о всех последующих президентах вплоть до нынешнего, хотя не исключено, что в прошедшие десятилетия такое право «передавалось», по крайней мере номинально, и какому-нибудь гражданскому лицу за пределами Вашингтона. Передача права нанесения ядерного удара – один из наших самых больших государственных секретов.

Ничем не отличается ситуация и в Советском Союзе, а ныне в России. Обнародование американских планов «обезглавливания» советского командования привело к появлению системы автоматической передачи права нанесения ядерного удара, известной на Западе как «Мертвая рука» (Dead Hand), которая должна гарантировать ответ на ядерный удар Америки по Москве и другим командным центрам. Это тоже является государственным секретом, что выглядит парадоксально, поскольку засекречивание в данном случае уменьшает сдерживающий эффект (см. главу 9).

Настоятельная потребность в информировании мировой общественности об этой реальности ядерной эры объясняется тем, что практически наверняка подобная секретная система передачи права нанесения удара существует во всех ядерных державах, включая новые: Израиль, Индию, Пакистан и Северную Корею. Сколько пальцев в Пакистане могут нажать ядерную кнопку? Подозреваю, что даже президент Пакистана не знает наверняка. Постоянно мелькавшие в американской прессе^[18] в 2016-м и 2017 г. сообщения о наших планах реагирования и

учениях, нацеленных на обезглавливание северокорейского руководства и командной структуры, могут иметь, на мой взгляд, лишь один результат – создание в стране системы гарантированного ответного удара, подобной советской «Мертвой руке»^[19].

- Раскрытая после распада Советского Союза информация^[20] заставила многих осознать, насколько опасным был Карибский ракетный кризис. Однако, если добавить к ней мое секретное исследование 1964 г. – после участия в принятии решений на высоком уровне во время этого кризиса, – то становится ясно, что риски были еще выше, чем считалось прежде. Хотя, по моим представлениям, оба лидера стремились не допустить прямого столкновения, события развивались неконтролируемым образом, и мы были в шаге от реализации наших планов развязывания всеобщей ядерной войны (см. главы 12 и 13).

- Стратегическая ядерная система более уязвима с точки зрения ложных сигналов оповещения^[21], случайных действий и несанкционированных пусков, чем полагает общественность (и даже большинство высокопоставленных чиновников). Именно на этом заострилось внимание в моем секретном исследовании в 1958–1961 гг. Более поздние работы подтвердили^[22] существование этих рисков – особенно опасными были ложные сигналы оповещения в 1979, 1980, 1983^[23] и 1995 гг. Перспектива взрыва такой системы в результате «ошибки», несанкционированного действия во время кризиса или намеренной реализации ядерной угрозы и уничтожения значительной части мира постоянно по милости сверхдержав маячит перед населением нашей планеты.

- Катастрофические риски, подобные этим, тщательно скрываются от общественности. В 1961 г. я, как человек, имевший доступ к секретам, узнал, что наша система принятия решений, ядерная политика, планы и практика ставят под угрозу, по оценкам Объединенного комитета начальников штабов, сотни миллионов человек, порядка трети населения Земли. О чем никто из нас не знал вплоть до 1983 г. – ни Объединенный комитет, ни президент, ни его научные советники, – так это о таких последствиях широкомасштабной войны, как ядерная зима и голод, которые должны уничтожить практически всех людей, а вместе с ними и большинство видов крупных животных (см. главу 18).

В конечном итоге дым (а не радиоактивные осадки, выпадение которых ограничится главным образом Северным полушарием) имеет фатальные последствия: дым и сажа от сплошных пожаров в сотнях городов, попав в стратосферу, остаются там и могут не оседать больше десятилетия. Они затянут небосвод на всем земном шаре и перекроют доступ солнечному свету, в результате чего глобальная температура понизится до уровня последнего ледникового периода, сельскохозяйственное производство прекратится и в течение одного-двух лет наступит всеобщий голод.

Реализация американских планов термоядерной войны во время Берлинского или Карибского кризисов привела бы к гибели не 600 млн, а значительного большего количества людей. Остальных (на тот момент на Земле насчитывалось 3 млрд человек) уничтожила бы ядерная зима.

Количество боеголовок с обеих сторон с той поры резко сократилось – более чем на 80 %! Однако последние научные расчеты^[24] (подтверждающие и даже усиливающие предупреждения 30-летней давности) показывают, что применения даже части сократившихся арсеналов достаточно для наступления ядерной зимы с учетом существующих планов ударов по командным центрам и другим целям в городах или рядом с ними. Иными словами, первый ядерный удар любой из сторон, который намного меньше по масштабу, чем тот, что планировался в 1960–1970-х гг., – и к которому по-прежнему готовятся и Россия, и Америка, – должен лишить людей солнечного света и уморить голодом практически все человечество, т. е. более 7 млрд человек на данный момент.

Наносящей удар сверхдержаве рассчитывать на ограничение ущерба не стоит, как и ее союзникам, «врагу» и нейтральным государствам по всему земному шару, ни при первом, ни

при ответном ударе враждебной сверхдержавы, ни при упреждающем ударе, ни при «контр-ударе», ни при «обезглавливающем» ударе. Ущерб для нее, и для всех остальных, от ее собственного первого удара будет полным, неограниченным.

Судя по всему, проверенные и перепроверенные научные данные по климатическим последствиям ядерной войны, полученные в последнее десятилетие, так и не были услышаны руководством США и России и никак не повлияли на отношение к ядерному оружию и переговоры по контролю над вооружениями.

Есть все основания сомневаться в том, что Джордж Буш-младший или Барак Обама – а если на то пошло, и Джордж Буш-старший или Билл Клинтон через два десятилетия после первоначального исследования – хотя бы раз заинтересовались масштабами последствий тех «вариантов удара», которые им представляли во время учений по управлению в условиях ядерной войны. (По словам Горбачева^[25], советские исследования этого феномена произвели на него большое впечатление, и именно этим объяснялось его стремление к массивному сокращению и даже уничтожению ядерного оружия во время переговоров с Рейганом, который также сделал аналогичное заявление^[26].)

Проинформировали президента Дональда Трампа по этому вопросу или нет (скорее всего, нет), но он наряду с некоторыми членами кабинета и лидерами республиканского большинства в Конгрессе известен своим скептическим отношением к научным данным, в частности к последним моделям изменения климата.

* * *

В конце знаменитого сатирического фильма 1964 г. «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил атомную бомбу» Стэнли Кубрика появляется «машина Судного дня», которая в целях ядерного сдерживания должна автоматически уничтожить всех живущих на Земле в случае удара по Советскому Союзу. На беду человечества советское руководство вводит это средство сдерживания в действие до того, как о нем становится известно в мире, и теперь все зависит от безумного пилота американского В-52, который решил сбросить одну атомную бомбу без санкции президента.

Кубрик позаимствовал название, как, впрочем, и саму идею такой машины у моего бывшего коллеги Германа Кана, физика из корпорации RAND. В своей вышедшей в 1960 г. книге «О термоядерной войне» (On Thermonuclear War) и научно-популярных статьях 1961 г. Кан утверждал, что вполне мог бы сконструировать^[27] такое устройство. На его создание потребуется не больше 10 лет, и оно будет сравнительно дешевым – одно из главных требований к системе сдерживания. По оценкам Кана, затраты должны быть ближе к \$10, чем к \$100 млрд (всего лишь часть нынешних ассигнований на стратегические вооружения), поскольку разместить его можно только у себя в стране или в океане. У него не будет боеголовок, которые нужно доставлять через полмира на самолетах или ракетах и при этом преодолевать системы защиты противника.

Однако, с точки зрения Кана, по очевидным причинам подобная система нежелательна. Она слишком негибкая и чересчур автоматическая, она необязательно окажет сдерживающий эффект, а ее срабатывание приведет «к гибели слишком большого количества людей» – фактически всех, т. е. даст результат, который философ Джон Сомервилл позднее назвал омницидом^{3[28]}. Кан в 1961 г. считал, что такая система не существует и *не должна появиться* ни в Соединенных Штатах, ни в Советском Союзе.

---

³ Омницид – всеобщее уничтожение. – Прим. пер. «До этого вопроса дело дошло, когда я стоял прямо перед генералом, – пишет Рубел. – Каким – то образом... мне нужно было произнести слова “управление и контроль”. Лемей возразил с презрением: “Управление и контроль! Управление и контроль! Что это такое? Указание солдату, что делать, – вот, что это такое. И

Физик Эдвард Теллер, которого называют «отцом водородной бомбы», пошел дальше в отрицании возможности омницида. В ответ на мой вопрос, заданный еще в 1982 г., он решительно заявил, что при любом мыслимом использовании термоядерного оружия, в создании которого он участвовал, «невозможно» убить «более четверти населения Земли».

В то время я воспринял это заверение иронически, как точку зрения, в соответствии с которой «стакан на три четверти полон». (Теллер наряду с Каном, Генри Киссинджером и бывшим нацистским конструктором ракет Вернером фон Брауном был в числе тех, кто навеял Кубрику образ доктора Стрейнджлава.) Вместе с тем оценка Теллера довольно близка к тому, что Объединенный комитет начальников штабов планировал осуществить в 1961 г., хотя по уточненным данным (с учетом прямых последствий пожаров, которые Объединенный комитет никогда не принимал во внимание) результат должен скорее составлять от одной трети до одной второй омницида.

Так или иначе, но Объединенный комитет в 1961 г., Герман Кан в 1960 г.^[29] и Теллер в 1982 г. ошибались. Никто не идеален. Всего через год после того, как Теллер дал свое отрицательное заключение (на слушаниях в законодательном органе штата Калифорния по инициативе о двухстороннем замораживании ядерных вооружений), появились первые работы по эффектам ядерной зимы^[30], которая должна наступить в результате выноса в стратосферу дыма от пожаров после сбрасывания на города всего тысячи термоядерных бомб (одной десятой части существующих арсеналов). Вопреки словам Кана и Теллера американская машина Судного дня существовала уже в 1961 г. – сначала это были бомбардировщики в боевой готовности с заранее определенными целями под началом Стратегического авиационного командования, а потом к ним добавились ракеты Polaris на подводных лодках. Хотя эта машина и не могла сразу убить или уморить голодом все человечество, после ее запуска конечный результат вполне заслуживал названия «Судный день».

* * *

Подобно тайным операциям и планам нападения, планы ядерной войны и связанные с этим угрозы недоступны для публичного обсуждения и известны только небольшой группе должностных лиц и консультантов. Они хранят молчание не только из-за чувства причастности к хранению самых важных секретов, но и по серьезным карьерным соображениям. Эти должностные лица заинтересованы в сохранении допуска к важнейшим секретам, чтобы иметь возможность стать консультантами после ухода со службы. Такая неограниченная свобода действий в сочетании с системой служебной тайны, обмана и затуманивания мозгов привела к формированию крайне ущербных представлений о вопросе у ученых и журналистов и почти к полной неосведомленности обычной публики и представителей Конгресса.

В целом большинство аспектов американской системы ядерного планирования и поддержания боеготовности, которые стали известными мне полвека назад, существуют и сегодня и связаны все с той же возможностью катастрофы, однако в несравненно больших масштабах, чем представлялось в те времена. Риски нынешней ядерной эры значительно превосходят опасности распространения и негосударственного терроризма, которые почти полностью поглощали внимание общества на протяжении жизни последнего поколения и особенно в последнее десятилетие. Арсеналы и планы двух сверхдержав не только являются непреодолимым препятствием на пути эффективной глобальной кампании против распространения ядерного оружия, они сами по себе представляют явную угрозу не только людям, но и всему живому на Земле.

это работа для профессионального военного. А они твердят об управлении и контроле со стороны президента. Кто он такой, этот президент? Политик. А что может знать политик о войне?" Он сделал акцент на слове "война". "Кому нужен президент на войне? Никому! Все, что нам нужно от него, так это заявление о начале войны. [Не думаю, чтобы самому Кертису Лемею нужен был президент для этого.] Мы – профессиональные военные. Мы позаботимся обо всем остальном"» (с. 65–66).

Я собираюсь привлечь внимание к темной стороне реальности, существующей уже более 50 лет, к тому, что всеобщая термоядерная война – это необратимая, беспрецедентная и почти невообразимая катастрофа для цивилизации и жизни на Земле. Она беспредельно масштабнее чернойбыльской катастрофы, урагана «Катрина», разлива нефти в Мексиканском заливе, аварии на АЭС «Фукусима», Первой мировой войны и *может разразиться в любой момент*.

Ничто в истории человечества не может быть более аморальным. Или безумным. Рассказ о том, как возникла эта катастрофическая ситуация и почему она сохраняется уже более полувека, – это своего рода хроники человеческого безрассудства. Смогут ли американцы, русские и другие народы изменить свою убийственную политику и избавиться от угрозы всеобщего уничтожения в результате применения своих собственных изобретений, покажет будущее. Лично я предпочитаю верить, что это *все еще* возможно.

Часть I Бомба и я

Глава 1 Как я мог?

Преобразование в разработчика планов ядерной войны

Если мы хотим когда-нибудь уничтожить машину Судного дня, то следует представлять, откуда она взялась. *Как мы могли?* Как американцы – или, коли на то пошло, русские – дошли до этого?

Я хочу рассмотреть этот вопрос с нескольких сторон и начну с себя. *Как я мог* в свои неполные 30 лет стать разработчиком руководства по планированию ядерной войны, которая, по моим представлениям, привела бы в случае развязывания к гибели сотен миллионов человек (а на самом деле намного больше)?

Этот вопрос очень тяжел для меня. Участие в подобных разработках выглядит особенно странно с учетом моего неприятия бомбардировок с детства и необычного вступления в ядерную эру. Отвращение к бомбардировкам населения и к ядерному оружию связано с моим детством, которое пришлось на Вторую мировую войну. За год до нападения на Перл-Харбор, когда мне было девять лет, документальные кадры бомбардировки Лондона стали для меня образчиком беспредельной жестокостью нацистов. Уничтожение городов, где живет масса людей разных возрастов, казалось чем-то демоническим.

В начальной школе после Перл-Харбора нас учили, как надо действовать во время воздушных налетов. Однажды учительница дала мне модель небольшой, серебристой зажигательной бомбы. Нам рассказали, что это магниевая бомба, пламя которой нельзя загасить водой. Ее нужно засыпать песком, чтобы прекратить доступ кислорода. В каждой классной комнате нашей школы стояло большое ведро с песком для этой цели. Я воспринимал это как подготовку к боевым действиям, хотя сейчас понимаю, что вероятность появления немецких или японских бомбардировщиков в Детройте была ничтожной. Однако идея магниевой бомбы произвела на меня сильное впечатление. Мне показалось просто жутким, что люди создавали и сбрасывали на других горючее вещество, которое непросто потушить, частичка которого, как нам объяснили, могла прожечь тело до кости. Я не мог понять людей, которые хотели сжечь детей таким образом.

Потом кинохроника показала, как американские и британские бомбардировщики бесстрашно преодолевают заградительный огонь, чтобы сбросить свой смертоносный груз на цели в Германии. Я верил в то, что нам говорили, – в то, что дневное прицельное бомбометание уничтожает только военные заводы и цели (хотя, к сожалению, бывают случаи, когда страдает и гражданское население).

Мой отец, инженер-конструктор в Детройте, имел отношение к отправке на войну большинства американских бомбардировщиков. В начале войны он был главным инженером, отвечавшим за строительство завода Willow Run компании Ford, который выпускал бомбардировщики B-24 Liberator для авиационного корпуса. По его словам, это было крупнейшее в мире производственное здание под одной крышей. Там собирали бомбардировщики точно так же, как в компании Ford собирали автомобили – на конвейере. Его длина составляла два километра.

Один раз отец взял меня с собой в Willow Run показать, как работает сборочный конвейер. Насколько хватало глаз, вдоль направляющих без остановки двигались огромные металлические корпуса самолетов, висевшие на крюках, а рабочие что-то приклепывали и устанавливали детали. Для 12-летнего мальчишки зрелище было грандиозным, и я очень гордился своим отцом. Его следующим местом работы во время войны было строительство завода по производству авиадвигателей, опять крупнейшего в мире завода компании Dodge в Чикаго, который выпускал двигатели для самолетов В-29.

Я, разумеется, не знал, что его бомбардировщики будут сбрасывать такие же зажигательные бомбы, о которых нам рассказывали в школе, – начиненные магнием или другими веществами вроде белого фосфора и напалма. Не думаю, что об этом знал мой отец. Фильмов о том, что творилось на земле под нашими самолетами, и о пожарах в Гамбурге, Дрездене и Токио не показывали.

Ну а если бы я знал, что мы повторяем, особенно при налетах на Японию, нацистскую практику устрашающих бомбардировок, то как бы отреагировал? Честно говоря, не знаю. Вполне возможно, обеспокоенность улеглась бы от мысли о том, что это *они* начали войну и бомбардировку городов, что возмездие было справедливым и необходимым и что все помогающее победить в войне против такого жестокого врага оправдано.

Та же самая мысль могла бы успокоить меня и после атомной бомбардировки Японии, как она успокоила большинство американцев, если бы не исключительный случай, произошедший в школе в последний год войны. В отличие от большинства американцев, непричастных к Манхэттенскому проекту, я узнал о вызовах ядерной эры примерно за девять месяцев до объявления об уничтожении Хиросимы и в совершенно другом контексте.

Это произошло во время занятий по социальным исследованиям в девятом классе осенью 1944 г. Мне тогда было 13 лет, и я находился на полном пансионе в частной школе Cranbrook в Блумфилд-Хиллс, штат Мичиган. Наш учитель Брэдди Паттерсон рассказывал об известной в то время в социологии концепции – идее Уильяма Огберна о «культурном отставании».

Идея заключалась в том, что развитие технологии нередко происходит значительно быстрее, чем развитие других аспектов культуры – наших институтов управления, ценностей, обычаев, этики, понимания общества и самих себя. Действительно, само понятие прогресса мы в основном относим к технологии. Что отстает, что развивается более медленно, если вообще развивается, так это все, связанное с нашей способностью направлять технологический прогресс и мудро, этично и осмотрительно *контролировать* его.

В качестве иллюстрации г-н Паттерсон привел потенциальный прорыв в технологии, который может произойти в ближайшее время. По его словам, сейчас, например, вполне реально создать бомбу из U-235, изотопа урана, мощность которой в тысячи раз превосходит мощность самых больших бомб, используемых в нынешней войне. Немецкие ученые обнаружили в конце 1938 г., что уран может делиться в процессе ядерной реакции с выделением огромного количества энергии.

Во время войны в журналах вроде *Saturday Evening Post* и некоторых научно-фантастических изданиях появился ряд статей, посвященных возможности создания атомных бомб, в частности бомбы из U-235. Хотя каждая из таких статей приводила к поискам нарушений режима секретности вокруг Манхэттенского проекта, ни одна из них не была связана с утечкой информации. Все они опирались на более ранние публикации по этой теме, вышедшие в 1939 и 1940 гг., когда завеса секретности еще не была установлена. Г-н Паттерсон прочитал некоторые из этих статей военного времени и привел их нам в качестве примера одного из наиболее вероятных скачков в науке и технологии, опередивших развитие наших социальных институтов.

Допустим теперь, что одно или несколько государств решили исследовать возможность изготовления урановой бомбы и добились успеха. К каким последствиям для человечества это

приведет? Как такое оружие будут использовать люди и государства в их нынешнем состоянии? Будет ли это безразлично, плохо или хорошо для нашей планеты? Как будет использоваться новая сила – в интересах мира или разрушения? Вот на такую тему нам было предложено написать короткое эссе за неделю.

Я помню заключение, к которому пришел в своей работе после раздумий в течение нескольких дней. Если мне не изменяет память, то все в нашем классе сделали по большому счету одинаковый вывод. Он довольно очевиден: появление подобной бомбы плохо для человечества. Люди не могут совладать с такой разрушительной силой. Ее нельзя надежно контролировать. Силой будут «злоупотреблять», т. е. пользоваться ею рискованно с ужасными последствиями.

Такая бомба просто чересчур мощная. Нынешние бомбы, каждая из которых может снести квартал, и без того ужасны. Их называют «сверхмощными» – 10–20 т взрывчатки. Человечеству ни к чему перспектива появления бомбы в тысячи раз мощнее, которая способна уничтожить целый город. Цивилизация, а может, даже и наш биологический вид окажется на грани исчезновения.

На этот вывод практически не влияло, у кого бомба, сколько их у него и кто первым получил ее. Это событие было плохим по своей сути, даже если первым обладателем становилось демократическое государство. После обсуждения наших работ в классе это событие вылетело у меня из головы, и я вспомнил о нем лишь через много месяцев. Я хорошо помню момент, когда это произошло.

Это был жаркий августовский день в Детройте. Я стоял на перекрестке в центре города и смотрел на первую страницу газеты *Detroit News* в киоске. У меня за спиной громыхал трамвай, когда я читал заголовок: американская бомба уничтожила японский город. В голове пронеслась мысль: «Я знаю, что это за бомба». Это была та самая урановая бомба, которую мы обсуждали в школе прошлой осенью.

Я подумал: *«Мы сделали ее первыми. И мы сбросили ее. На город».*

Меня охватил ужас, ощущение того, что произошло что-то очень опасное для человечества. Это было новое для меня, как для 14-летнего американца, чувство, что моя страна, возможно, сделала ужасную ошибку. Я очень обрадовался, когда вскоре война закончилась, но не перестал считать правильной ту первую свою реакцию 6 августа.

Я чувствовал себя очень неловко в последующие дни, когда слышал триумфальные нотки в голосе Гарри Трумэна – ровном, со среднезападным акцентом, как всегда, но необычно торжествующем, – рассказывающего о нашем успехе в гонке по созданию бомбы и о ее ошеломляющем действии на Японию. Это свидетельствовало, с моей точки зрения, о том, что наши лидеры не видят полной картины, не осознают значимости созданного ими прецедента и его пагубных последствий для будущего.

Скажете, что это совершенно невероятные мысли для 14-летнего американского мальчишки через неделю после окончания войны? Возможно, если бы не то задание г-на Паттерсона по социологии прошлой осенью. Думаю, все ученики нашего класса сразу поняли, о чем идет речь, когда увидели августовские заголовки газет.

От других соотечественников нас отличала еще одна особенность. Пожалуй, ни у кого за пределами нашего класса и Манхэттенского проекта не было возможности думать о бомбе – как думали мы за девять месяцев до ее использования – без сильной позитивной ассоциации, сопровождавшей первые сообщения в августе 1945 г. Нам говорили, что это «наше» оружие, инструмент американской демократии, созданный прежде нацистов, оружие победы, *совершенно необходимое* нам – так это преподносилось и почти безоговорочно принималось – для завершения войны без чреватого потерями вторжения в Японию.

Даже если предпосылки последнего оправдания^[31] и были реальными (а по мнению многих ученых, которых я уважаю, это не так), то последствия подобных представлений в нашем

обществе просто фатальны. Обоснованно или нет, мы – единственная страна в мире, которая считает, что она победила в войне в результате бомбардировки – точнее говоря, сбрасывая на города зажигательные и атомные бомбы, – и верит в то, что ее действия полностью оправданны. Это очень опасный образ мышления.

Даже если бы кто и задумался над этим до того, как президент триумфально констатировал свершившееся, у него вряд ли возникло бы то чувство тревоги, которое охватило всех нас на занятии у г-на Паттерсона. У 13-летних девятиклассников оно возникло точно так же, как и у некоторых занятых в Манхэттенском проекте ученых, у которых также была возможность сформировать мнение до использования бомбы.

Одним из первых такое мнение выразил Лео Сцилард, который предложил (и запатентовал) идею цепной реакции ядер тяжелого элемента вроде урана. В 1933 г. он находился в Лондоне как эмигрант, уехавший из Берлина через несколько дней после поджога Рейхстага в предвидении установления нацистской диктатуры и войны в Европе.

Сцилард первым увидел 3 марта 1939 г. вспышки на экране осциллографа, подтвердившие его предположение «об испускании нейтронов в процессе деления ядер урана и о том, что мы стоим на пороге крупномасштабного высвобождения атомной энергии». Он так написал о своей реакции: «Мы наблюдали их [вспышки] некоторое время, потом выключили все и ушли домой. В тот вечер у меня почти не осталось сомнений в том, что мир катится в пропасть»^[32].

Тем не менее в том же году, предчувствуя неминуемое начало войны и опасаясь, что нацисты первыми реализуют потенциал ядерной энергии в виде бомбы, Сцилард убедил Альберта Эйнштейна послать письмо президенту Франклину Рузвельту, в результате которого и появился Манхэттенский проект. Письмо было датировано 2 августа 1939 г., а 1 сентября Гитлер вторгся в Польшу.

Почти три с половиной года спустя Сцилард и Энрико Ферми построили первый работающий ядерный реактор, который требовался для наработки плутония для бомбы. (Немцам так и не удалось создать работоспособный реактор.) Как Сцилард рассказывает в своих мемуарах, 2 декабря 1942 г. в Чикагском университете удалось инициировать и небольшое время контролировать цепную реакцию. Кто-то принес редкую в военное время бутылку кьянти и присутствовавшие стали поздравлять Ферми. Сцилард пишет: «Там собралась толпа, а мы с Ферми стояли в стороне. Я пожал Ферми руку и сказал, что, на мой взгляд, это событие должно войти в историю как черный день человечества»^[33].

Так или иначе, несмотря на эту крайне негативную оценку и полностью оправданные дурные предчувствия, Сцилард сыграл критическую роль в представлении этой убийственной силы миру. *Как он мог?* Просто он верил (задолго до других) в то, что соревнуется с Гитлером за обладание этой силой. В конце концов именно немецкие физики первыми осуществили деление ядер тяжелого элемента. Вряд ли можно было сомневаться в том, что у Германии есть шансы обогнать соперников в гонке за овладение этой невероятной энергией и реализовать притязания Гитлера на мировое господство. Опасение, что Германия получит монополию, пусть даже временную, на атомную бомбу, подхлестывало участвовавших в Манхэттенском проекте ученых, особенно евреев, эмигрировавших из Европы вроде Сциларда (Ферми покинул Италию в 1938 г. из-за того, что его жена была еврейкой), до самой капитуляции Германии.

В действительности гонка была односторонней. Практически в тот момент в июне 1942 г., когда группа американских физиков-теоретиков приступила к конструированию атомной бомбы, Гитлер принял решение *прекратить* работы над бомбой совсем не по этическим, а по практическим соображениям: вероятность создания нового оружия за те несколько лет, которые он отвел на войну, была очень мала. Так или иначе, ученые в Соединенных Штатах, не подозревавшие о решении Германии, были полностью сосредоточены на скорейшем создании годного к применению боеприпаса.

Некоторые из них видели в нем исключительно средство удержания Гитлера от использования такого оружия, если оно у него есть. Обладание таким средством устрашения казалось неотложной необходимостью и снимало с повестки дня вопросы морали. Один из ученых, Джозеф Ротблат, узнав от британского коллеги осенью 1944 г. об отсутствии у Германии программы, которой нужно противодействовать, сразу же вышел из Манхэттенского проекта. Он, однако, был одиночкой и под угрозой депортации не стал раскрывать причин своего ухода.

Другие, включая Сциларда, опасались, что Гитлер может раскрыть свое оружие победы^[34] в последний момент, и были готовы применить бомбу против Германии, если ее удастся создать до капитуляции нацистов. Однако до этого в Манхэттенском проекте никто практически не задумывался о том, что делать с новым оружием, если оно будет не нужно ни для поражения Германии, ни для удерживания ее от применения бомбы. Лишь после того, как все стало очевидным после капитуляции Германии, Сцилард и его коллеги попытались не допустить одностороннего испытания бомбы в США и бомбардировки Японии. Они надеялись таким образом предотвратить неизбежную гонку ядерных вооружений между США и СССР, но было уже поздно.

* * *

Мы добрались наконец до вопроса, с которого я начал эту главу. Причины моего участия в формировании ядерной политики на низком уровне, несмотря на негативное отношение к самому существованию ядерного оружия, были практически теми же, что и у Джозефа Ротבלата и Лео Сциларда. В конце 1950-х гг. меня убедили (с использованием сугубо секретной официальной информации) в том, что мы вновь участвуем в отчаянной гонке с сильным тоталитарным противником, сравнимым с нацистской Германией, и работаем во имя недопущения ядерного Перл-Харбора и одностороннего ядерного шантажа. Как мы увидим далее, это представление опять опиралось на иллюзию. Страхи, однако, были реальными и, казалось, имели правдоподобную основу. Как я поддался этим страхам и стал действовать на их основании – это история в двух частях.

Прежде всего, как мои старшие коллеги в то время и как многие представители моего поколения в Америке, я за прошедшее десятилетие стал поборником холодной войны. На меня произвели впечатление слова Черчилля, одного из моих героев со времен «битвы за Англию»⁴, который в марте 1946 г. заявил, что на континент опустился «железный занавес», отделивший свободную Европу от тиранического режима на востоке. Менее чем через год после победы над нацистами и их союзниками в Японии он заговорил о тоталитарном контроле Москвы почти над всеми столицами в Центральной и Восточной Европе за исключением Афин. Именно с тем, чтобы сохранить это исключение, Гарри Трумэн призвал Конгресс предоставить помощь Греции, монархическому правлению в которой грозил переворот под руководством коммунистов.

Мое знакомство с послевоенной внешней политикой началось фактически с обнаружения доктрины Трумэна весной 1947 г., когда я учился в предпоследнем классе средней школы. Трумэн объявлял о готовности США защищать «свободные нации» во всем мире от установления «тоталитарного режима» (он произнес это четыре раза во время своего выступления). Эта фраза фактически ставила знак равенства между коммунизмом и нацизмом, между Сталиным и Гитлером. Из доктрины следовало, что угроза, с которой мы имели дело во время Второй мировой войны, не исчезла в 1945 г. Как ребенок военного времени и человек, веривший в западное лидерство, я принял это определение угрозы и в 16 лет, когда был слишком молод для участия в первых протестах, стал отвечать на нее.

---

⁴ Воздушное сражение над Британскими островами в августе 1940 г. – мае 1941 г. во время Второй мировой войны. – *Прим. пер.*

Потом были сообщения о коммунистическом перевороте в Чехословакии в 1948 г., чуть позже о блокаде Западного Берлина, о сталинистских режимах и политических процессах в России и в Восточной Европе, о нападении Северной Кореи, и постепенно я принял все постулаты и установки холодной войны.

Оглядываясь назад, можно сказать, что главным постулатом было отождествление Сталина и его преемников с Гитлером. Прежде всего речь шла о внутреннем тоталитарном контроле и безжалостном подавлении диссидентов. Здесь аналогия (особенно при Сталине) была справедливой. Я всегда чувствовал вполне обоснованное отвращение к внутренней тирании сталинистских режимов, как в Советском Союзе и Восточной Европе, так и в Китае, Северной Корее, Вьетнаме и Кубе.

Более сомнительным в ретроспективе – по существу сейчас, надо сказать, очевидно не соответствующим действительности – был постулат о том, что эти режимы, подобно нацистам, стремились к безграничной экспансии, которой они добивались военной агрессией при любом удобном случае. В частности, считалось, что коммунистические режимы в СССР и в странах Восточной Европы – имеющие теперь ядерное оружие и современные обычные виды вооружения – представляют прямую военную угрозу Западной Европе и Америке, более серьезную, чем гитлеровская Германия. Помимо прочего уравнивание коммунистических режимов с гитлеровским исключало любые попытки переговоров для решения конфликтов или ограничения гонки вооружений. Ничто, кроме полной военной готовности к неизбежному столкновению, не могло повлиять на Советский Союз или «сдержать» его угрозу «свободному миру».

Ко времени поступления в колледж, как и многие годы впоследствии, я представлял себя эдаким трумэновским демократом: либеральным сторонником холодной войны, поддерживающим профсоюзное движение и настроенным антикоммунистически, вроде сенаторов Хьюберта Хамфри и Генри Джексона, а также моего детройтского героя Уолтера Рейтера, председателя Объединенного профсоюза рабочих автопромышленности.

Я восхищался решением Трумэна послать бомбардировщики, груженные углем и продуктами питания вместо бомб, на помощь населению Западного Берлина во время советской блокады, которая началась в момент моего окончания средней школы. Два года спустя я целиком поддерживал его ответ на неприкрытую коммунистическую агрессию в Корее. Особое уважение у меня вызывало решение ограничить войну с применением обычных вооружений Кореей и отказ от рекомендаций генерала Дугласа Макартура распространить военные действия на Китай и использовать ядерное оружие. Я верил в правильность нашей политики и был готов сам отправиться в Корею, хотя и не особенно стремился попасть туда.

После получения отсрочки до окончания Гарварда и годовичного обучения в Кембриджском университете я чувствовал себя обязанным занять то место, на котором вместо меня были другие. Вернувшись из Кембриджа, я добровольно записался на офицерские курсы Корпуса морской пехоты осенью 1953 г. Занятия должны были начаться следующей весной.

Когда двухлетний обязательный срок службы в морской пехоте подошел к концу летом 1956 г., я обратился в Главное управление корпуса с просьбой продлить срок моей службы на год, поскольку моя часть – третий батальон второй дивизии морской пехоты, где я был командиром стрелкового взвода, потом инструктором по боевой подготовке и командиром стрелковой роты, – отправлялась в Средиземное море в составе Шестого флота. Гамаль Абдель Насер, президент Египта, тогда национализировал Суэцкий канал. Назревал Суэцкий кризис, и нас предупредили, что не исключено участие в боевых действиях.

Как раз в то время меня приняли на три года младшим членом в Гарвардское общество стипендиатов. Мне не хотелось, чтобы подразделение, которое я обучал, отправилось в бой без меня. Когда мою просьбу удовлетворили, я отказался от престижного членства и отправился в Средиземное море со своим батальоном.

Десятилетнее пребывание в стане сторонников холодной войны подготовило почву для моей работы в течение следующего десятилетия в качестве консультанта правительства и специалиста по национальной безопасности. Однако не это заставило меня посетить корпорацию RAND в Санта-Монике, а потом стать ее сотрудником в конце 1950-х гг. Насколько я представлял, RAND занималась секретными исследованиями для военно-воздушных сил, которые в значительной мере были связаны с использованием ядерного оружия. Ничто не могло быть более отталкивающим для меня.

По правде говоря, за три года службы в морской пехоте я проникся уважением к вооруженным силам (особенно к мотострелковым войскам) и стал более благосклонно смотреть на возможность применения своих знаний в сфере разработки военной стратегии, чем прежде. Но работать на военно-воздушные силы? Заниматься планами ядерной бомбардировки? Это было не для меня – я выбрал Корпус морской пехоты, а не ВВС, именно потому, что морские пехотинцы не бомбили города и практически не имели отношения к ядерному оружию.

Так или иначе, довольно долго до поступления в RAND я собирался посвятить себя науке и стать экономистом-теоретиком. Уволившись из Корпуса морской пехоты весной 1957 г., я вновь подал заявление на вступление в Гарвардское общество стипендиатов и был принят. Это было, пожалуй, лучшее место для последипломного образования в стране. В течение трех лет младшие члены могли заниматься любыми исследованиями по своему усмотрению без какого-либо контроля, получали офис, бюджет на исследования и командировки, а также зарплату старшего преподавателя Гарварда. Они могли слушать разные курсы и набирать зачетные баллы, но их не заставляли писать докторскую диссертацию или защищать ее.

Я знал, чем хотел заниматься^[35]. Еще на последнем курсе в колледже меня очаровала новая область – «теория принятия решений», абстрактный анализ процесса принятия решений в условиях неопределенности. Для получения степени в области экономики я написал дипломную работу на тему о том, как описывать и понимать, а возможно, и улучшать процесс принятия решений людьми, когда у них нет уверенности в последствиях их действий. В ней, в частности, рассматривалась ситуация конфликта^[36], в которой неопределенность в какой-то мере была связана с решениями рационального противника, т. е. с теорией игр.

Осенью 1957 г. я сконцентрировал внимание на выборе в условиях крайней неопределенности или, по моей терминологии, «неоднозначности»: скудная информация, необычные или незнакомые условия, отсутствие надежной основы для процессов понимания, противоречивые факты или доказательства, противоположные мнения экспертов. Подобные характеристики присущи очень многим ситуациям, особенно военно-политическим кризисам. На мой взгляд, существующие теории приемлемого поведения («рациональный выбор») в таких условиях были неадекватными и даже непригодными, и я решил показать это и предложить нечто лучшее. Меня также интересовала роль угроз, которыми, как я считал, большинство экономистов, использовавших «теорию переговоров», пренебрегали.

В какой-то мере из-за того, что все это имело отношение к принятию военных решений, одной из организаций, особенно интересовавшихся такими вопросами, была RAND, чьи математики публиковали свои работы чаще других. Именно несекретные публикации RAND по теории принятия решений привлекли мое внимание, а не оборонные разработки.

В августе 1957 г., в конце летнего изучения математической теории вероятности в Стэнфордском университете я посетил RAND и в результате получил предложение ее экономического департамента поработать следующим летом у них в качестве консультанта. Я принял это предложение исключительно из любопытства. Ни я, ни кто-либо другой, насколько мне известно, даже не подозревал в тот момент о надвигающемся ядерном кризисе.

В скором времени нашему обществу предстояло узнать о серьезном изменении ситуации. На самом деле это изменение уже произошло, как я узнал позднее от сотрудников экономического департамента RAND. Им было известно кое о чем, что пока не привлекало широкого

внимания за пределами Министерства обороны: заявление Советского Союза от 26 августа об успешном испытании межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) большого радиуса действия. Секретная разведывательная информация, которой экономисты RAND не могли поделиться со мной, подтверждала это.

Два месяца спустя, 4 октября 1957 г., когда я вернулся в Гарвард, уже весь мир знал о «Спутнике», летающем вокруг Земли советском искусственном спутнике, который передавал сигналы «бип, бип». Соединенные Штаты оказались неспособными сразу же повторить такое техническое достижение, и это пошатнуло глобальную уверенность в техническом и научном превосходстве США. Хотя Эйзенхауэр и преуменьшал беспокойство, связанное с новым космическим объектом (если верить его публичному заявлению, то это «не вызвало у него опасений, совершенно никаких»), на деле было понятно, что американцы на континентальной части Соединенных Штатов стали уязвимыми так, как никогда за всю историю. Запустив спутник на орбиту, Советы наглядно подтвердили свои заявления двухмесячной давности о том, что у них есть межконтинентальные ракеты.

Как оказалось, в первых отчетах Project RAND в 1946-м и 1947 г. (когда Project RAND, этот своего рода зародыш корпорации RAND, был частью конструкторского отдела Douglas Aircraft Company) содержалось предложение о создании космического аппарата, который мог быть выведен на орбиту к 1952 г. В отчетах говорилось о политическом аспекте этого события: «Психологический эффект запуска спутника будет в определенной мере аналогичным испытанию атомной бомбы. Спутник покажет всем другим странам, что мы можем отправить управляемую ракету к любой точке на Земле»^[37]. Но в то время генералу Кертису Лемею, отвечавшему за разработки для ВВС, высотные бомбардировщики казались более привлекательным средством устрашения других стран, чем ракеты, и на реализацию предложения не дали денег.

В то время как Соединенные Штаты пытались запустить хоть что-нибудь осенью 1957 г., русские в ноябре вывели на орбиту второй, значительно более крупный спутник с собакой по кличке Лайка на борту. Второй советский спутник нес значительно больший полезный груз. Выведенный на орбиту, как и первый спутник, межконтинентальной ракетой-носителем, он показал, что советская ракетная техника обладает достаточным тяговым усилием и точностью для доставки термоядерных боеголовок к целям на территории США через 30 минут после пуска. В следующем месяце огромная аудитория зрителей наблюдала по телевизору, как американская ракета поднялась на полтора метра в воздух, а затем рухнула и взорвалась на стартовой площадке. Головная часть с миниатюрным спутником на борту отделилась и упала в близрастущий кустарник, его радиопередатчик все еще подавал сигналы. («Кто-то должен прекратить эти страдания и пристрелить его», – заметил один из наблюдателей.) Газеты упражнялись в изобретении обидных прозвищ: «Злополучник», «Бедапутник», «Капутник». (Первое успешное испытание американской МБР состоялось лишь в ноябре 1958 г.)

К этому времени настроение в стране резко изменилось. Летом 1958 г., когда я работал в RAND, администрация Эйзенхауэра ответила на унижение, связанное с советским лидерством в космосе, созданием Управления перспективных исследований и разработок (DARPA) в Министерстве обороны, Национального управления по авиации и исследованию космического пространства (NASA) и принятием Закона об образовании для нужд национальной обороны с выделением миллиарда долларов на развитие науки и математического образования.

Что касается меня, то по прибытии в Санта-Монику в июне в качестве летнего консультанта я стал заниматься не теоретическими изысканиями в сферах «теории принятия решений» и «теории переговоров», а конкретными решениями, от которых, как тогда казалось, зависело будущее мирного сосуществования, выживание страны и даже всего человечества. Главным был вопрос удерживания Советского Союза от соблазна использовать его очевидное превосходство в ракетных системах для нападения или устрашения Соединенных Штатов.

На лето 1958 г. пришелся пик предсказаний разведслужб в отношении неизбежности огромного превосходства Советов в развернутых системах МБР, так называемого «ракетного разрыва». Однако еще до этих предсказаний секретные исследования RAND на протяжении четырех предыдущих лет показывали, что способность Стратегического авиационного командования нанести ответный удар с использованием стратегических бомбардировщиков после неожиданного нападения Советов далеко неоднозначна. Из них следовало, что мы очень уязвимы даже для советских бомбардировщиков (позднее это превратилось в чрезвычайно раздутый разведслужбами «разрыв по бомбардировщикам», предшествовавший ракетному разрыву). В более ранних исследованиях советским МБР^[38] и ракетам подводного базирования отводилась очень небольшая роль. Однако добавление даже 20–40 МБР значительно увеличивало возможности Советов по нанесению обезоруживающего неожиданного удара. *Наименьшая* оценка советского ракетного потенциала на ближайшую перспективу, фигурировавшая в более свежих исследованиях RAND, составляла 30 МБР. Что касается оценок ВВС и ЦРУ, то в них фигурировали сотни МБР на начало 1959 г. (при чрезвычайном напряжении сил) и практически точно к 1960–1961 гг., ну а в прогнозах на 1960-е гг. счет шел уже на тысячи.

Уверения Эйзенхауэра и его очевидное спокойствие по отношению к проблеме, казалось, подтверждали представления о нем, как об удалившемся на покой дедушке, потерявшем связь с реальностью и занятым одним лишь гольфом. Именно так о нем думали в RAND, когда я пришел туда работать. Помимо прочего источник финансирования корпорации – ВВС, которые определенно видели перспективу огромного превосходства Советов по МБР, – оказался из-за бюрократии не в состоянии эффективно реагировать на угрозу. Попросту говоря, они упирались и медлили с принятием рекомендаций, которые RAND предлагала на протяжении нескольких лет и которые после запуска советского спутника стали неотложными.

Мои новые коллеги по RAND однозначно считали, что Советы не пожалеют сил на быстрое наращивание ракетного потенциала с прицелом на лишение Стратегического авиационного командования возможности нанести ответный удар и что шансы на достижение этой цели очень высоки. Такое советское превосходство и даже просто стремление к его достижению разрушало основу ядерного сдерживания. По крайней мере так казалось любому, кто читал отчеты об исследованиях и разделял широко распространенную во времена холодной войны уверенность в том, что Советы жаждут глобального доминирования. Так думали все, с кем я тесно сотрудничал в RAND. В свете оценок разведслужб, ставших доступными мне после получения допуска к секретам, а также мнений моих высоко интеллектуальных коллег к подобным взглядам пришел и я.

Уже через несколько недель после приезда в 1958 г. я погрузился в то, что представлялось самой неотложной конкретной задачей, с которой когда-либо сталкивалось человечество: предотвращение обмена ядерными ударами между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Исследования RAND говорили о том, что проблема была более сложной и неотложной, чем мог представить себе кто-либо за пределами корпорации. В последние годы десятилетия почти все департаменты и аналитики RAND буквально зациклились на решении одной-единственной задачи – удержание Советов от нанесения ядерного удара по американским средствам возмездия и по территории страны. Средство сдерживания виделось в гарантированной способности США нанести ответный удар в результате высокой выживаемости систем ядерного оружия после атаки. Атмосфера концентрации сил и коллективной работы над задачей чрезвычайной срочности во многом была сродни той, в которой работали участники Манхэттенского проекта.

В самом центре этого процесса генерирования идей находился экономический департамент, в который я пришел. В первую же неделю работы в качестве летнего консультанта в 1958 г. меня назначили докладчиком в дискуссионной группе по реагированию на стратегическую угрозу, куда входили Альберт Уолстеттер, Гарри Роуэн, Энди Маршалл, Ален Энтонен и

Фред Хоффман – ведущие стратегические аналитики экономического департамента, а также Билл Кауфманн из социологического департамента и Герман Кан из физического.

В своей академической практике я не раз оказывался в компании очень умных людей, однако здесь с самого начала было ясно, что с таким собранием интеллектуалов мне встречаться еще не приходилось. Первое впечатление оказалось правильным (впрочем, со временем я узнал, что и у чистого интеллекта есть жесткие ограничения). В середине заседания я осмелился – хотя и был самым младшим и к тому же абсолютным новичком – высказать мнение. (Сейчас я уже не помню, по какому вопросу.) Вместо того чтобы выразить раздражение или проигнорировать мое замечание, Герман Кан, замечательный и невероятно толстый человек, сидевший прямо напротив меня, спокойно сказал: «Вы совершенно неправы».

Меня охватило приятное чувство комфорта. Именно так разговаривали друг с другом мои сокурсники в редакционной коллегии университетской газеты *Harvard Crimson* (евреи по большей части, как я и Герман). Ничего подобного не случалось со мной уже шесть лет. В Королевском колледже, в Кембридже, или в Гарвардском обществе стипендиатов аргументы никогда не высказывались так жестко, в такой бескомпромиссной форме. У меня мелькнула мысль: «Я дома».

И это действительно было так. Я сроднился с RAND и проработал там 10 лет в два захода (второй – после возвращения из Вьетнама в 1967 г.). Во многом, как, по моим представлениям, это бывает в монашеском ордене, я делил со своими коллегами чувство братства, жил и вместе с другими работал над достижением высшей цели.

По правде говоря, ученых – участников Манхэттенского проекта, которые продолжили работать над созданием оружия, а также их преемников в центрах ядерных исследований нередко описывают (но без восхищения) как светских священнослужителей. Отчасти это связано с тем, что им были известны секреты вселенной, тайны, которыми не делятся с мирянами: чувство причастности, аура секретности, консультирование облеченных властью. Тезис о новых «военных интеллектуалах»^[39] уподоблял консультантов RAND в Вашингтоне и в Пентагоне, преодолевающих непроходимые для других бюрократические барьеры, иезуитам в старой Европе, которые перемещались между дворами и служили духовниками королей. Но всего важнее в первые годы моего пребывания в RAND и во время работы консультантов в Вашингтоне было чувство нашей миссии, бремя понимания того, что мы знаем больше о будущих опасностях и о том, как с ними справиться, чем генералы в Пентагоне и в Стратегическом авиационном командовании, члены Конгресса, широкая публика и даже президент. Это воодушевляло.

В материальном плане наша жизнь была роскошной. В RAND, куда я попал буквально после аспирантуры, моя зарплата была не хуже, чем у моего отца, когда он занимал должность главного инженера строительства. Рабочие условия были идеальными, офисы находились всего в одном квартале от берега моря, а Санта-Моника была великолепным местом со своим характерным для Южной Калифорнии климатом.

Мои коллеги, впрочем, не давали расслабиться. Они считали – и их уверенность очень скоро передалась мне, – что мы в буквальном смысле работаем во имя спасения мира. Успешный ядерный удар Советов по Соединенным Штатам воспринимался как катастрофа, причем не только для Америки. Мы исходили из того, что в русском эквиваленте RAND при Министерстве обороны или в ракетных войсках стратегического назначения такая же команда напряженно прорабатывает возможности использования превосходства Советов в наступательных вооружениях если не для неожиданного удара, то уж точно для шантажа Соединенных Штатов и их союзников по НАТО. Нам предстояло спасти мир не только от советской угрозы, но и от бюрократической инерции администрации Эйзенхауэра и наших спонсоров в ВВС.

Работы велись очень интенсивно и безостановочно. Свет в здании RAND горел ночи напролет, поскольку исследователи могли приходить и уходить в любой момент в соответствии

с собственным графиком. Во время ланча, поедая сэндвичи во внутреннем дворе RAND, мы говорили только о делах и ни о чем больше. На званых обедах, которые поочередно устраивали жены сотрудников, всегда находилась пара-тройка мужчин, которые уединялись в сторонке и обменивались шепотом секретной информацией – у женщин не было допуска к секретам. А после угощения жены обычно удалялись в гостиную, давая мужчинам возможность посекретничать за столом.

В то время в RAND практически отсутствовали женщины-специалисты с допуском к секретной информации. Единственными исключениями на моей памяти были Нэнси Нимиц – советолог и дочь адмирала Честера Нимица, Элис Хсэ – аналитик-китаевед, да еще Роберта, жена Альберта Уолстеттера, – историк, которая тогда занималась исследованием причин, по которым нападение Японии на Перл-Харбор и наши ВВС на Филиппинах в декабре 1941 г. оказалось таким неожиданным^[40]. Ее предварительные выводы, которые все мы внимательно изучали тем летом, очень сильно повлияли на наши представления о том, что именно мы пытаемся предотвратить.

В мое первое лето в RAND я работал по 74 часа в неделю, изучая результаты секретных исследований и аналитических заключений до поздней ночи, чтобы вникнуть в суть проблем и отыскать возможные решения. Я занимался поиском идей, которые позволили бы нам сорвать планы советских аналогов RAND и сделать это своевременно, чтобы не допустить ядерного Перл-Харбора. Или хотя бы отсрочить его. Разведсводки ВВС, к которым я впервые получил доступ, и мрачные представления о Советах, господствовавшие среди моих коллег и в разведывательном сообществе, в целом не позволяли поверить в то, что мир может долго избегать ядерного холокоста. Ален Энтонен и я были самыми молодыми сотрудниками департамента. Ни один из нас не соблазнился на участие в очень щедром пенсионном плане, который предлагала RAND. Мы просто не верили в свои неполные 30 лет в то, что у нас есть шанс дожить до пенсии.

Мне особенно запомнилась одна августовская ночь в предоставленном в мое распоряжение кабинете с окнами, смотревшими на океан. Ночь была безлунной, почти 00:00 по местному времени, и океан за моими окнами лежал в темноте. Я читал аналитическую справку об оптимальных, с точки зрения Советов, условиях нанесения неожиданного удара. Из нее следовало, что ключевым моментом должен быть удар с использованием МБР и бомбардировщиков по базам ВВС на нашей территории в сочетании с тщательно скоординированными ударами крылатыми ракетами с подводных лодок по базам на океанском побережье и по командным центрам (в обход наших радаров на севере и исключая сигналы предупреждения в результате очень малого времени полета).

С учетом того, что их подводным лодкам нужно всплыть для этого, и принимая во внимание погодные факторы, идеальным временем для атаки, как говорилось в справке, являлась безлунная ночь в августе, около 00:00. Я взгляделся в темноту океана за окном, а потом посмотрел на часы. Меня в буквальном смысле била дрожь, а волосы на затылке встали дыбом.

В ситуации, описанной в этих исследованиях и в разведсводках (особенно тех, что поступали из ВВС), сдерживание казалось единственно возможным средством, которое, однако, не устраняло неопределенность. Если верить этим секретным оценкам, то мы имели дело с сильным противником, который не жалел сил на наращивание ядерных вооружений, с тем чтобы полностью лишить нас возможности ответа и получить безраздельное глобальное господство. Ни один вид обычного американского оружия не способен выдержать ядерную атаку и не позволял нанести ответный удар такого масштаба, который может надежно удержать противника от вероломного нападения. Ничто не могло сдержать противника, кроме способности нанести опустошительный гарантированный ответный ядерный удар: способности, которая не исчезает даже после тщательно спланированного первого ядерного удара.

Как подчеркнул Уолстеттер на брифинге в штаб-квартире ВВС, наши возможности по предотвращению советского удара по Соединенным Штатам определяются не величиной нашего наступательного потенциала до войны, а тем, как Советы оценивают нашу «способность нанесения второго удара» в ответ на их первый удар. Какая не теряющая боеспособности разрушительная мощь требовалась для их сдерживания? Это зависело от обстоятельств и альтернатив, описываемых Уолстеттером. Любые потенциальные альтернативы первому советскому удару в тот момент выглядели очень негативно для СССР: это могло быть сокрушительное поражение в региональной войне или возможный ядерный удар США в случае эскалации конфликта в Европе. Как и мы, Советы должны были выбрать что-то из серьезных рисков. В заключении секретного «исследования уязвимости» R-290 Уолстеттер, как один из его авторов, утверждал, что наши тогдашние стратегические силы

«не могли обеспечить такой же уровень потерь^[41], как понесенные Россией во время Второй мировой войны, – потерь, от которых она оправилась только через несколько лет. Это вряд ли можно считать “несомненным” сдерживанием, которое будет необходимо нам в определенных предсказуемых ситуациях».

Выводом – в котором никто в RAND ни разу не усомнился за время моей работы там – было то, что адекватным средством сдерживания Соединенные Штаты должны считать гарантированную способность уничтожить ответным ударом более 20 млн советских граждан, т. е. столько, сколько СССР потерял во время Второй мировой войны. Это означало, что мы работали над обеспечением гарантированного ответного геноцида, хотя никому из нас в то время даже мысль такая не приходила в голову. По правде говоря, с учетом моего сильного внутреннего протеста против сплошной бомбардировки городов обеими сторонами в период Второй мировой войны участие в исследованиях, нацеленных на запугивание русских тотальным уничтожением в случае нападения на нас, выглядело парадоксальным. Однако в этом была своя логика. Аналитические заключения людей, которые стали моими учителями и ближайшими коллегами, убедили меня – как Сциларда и Ротблата поколением ранее – в том, что это не только лучший, но и единственно возможный путь предотвращения большой ядерной войны в ближайшем будущем.

Когда мой бывший научный руководитель в Гарварде узнал в 1959 г. о моем намерении вернуться в RAND на постоянную работу, он с горечью заметил, что я «продался» (как экономист) за высокую зарплату. Я возразил ему, что после всего, с чем мне пришлось познакомиться прошлым летом в RAND, я согласился бы работать там даже бесплатно. И это было правдой. Я не мог представить себе более важного дела на поприще служения человечеству.

Глава 2

Управление и контроль

Предотвращение катастрофы

В RAND, учитывая свою долгую специализацию на теории принятия решений, я выбрал область, которая казалась на тот момент недостаточно проработанной и в то же время важной: управление ядерными силами ответного удара высшим командным составом и особенно президентом.

Большинство моих коллег занимались исследованием уязвимости стратегических систем ядерного оружия, баз и транспортных средств, а также возможностей ее уменьшения. Я присоединился к небольшой группе^[42], которая изучала проблему уязвимости и надежности «нервной системы» вооруженных сил: командных пунктов, процессов информирования и принятия решений на разных уровнях, средств связи, систем предупреждения и сбора разведанных.

По широко распространенному мнению решение о том, при каких условиях и когда отдавать команду на применение американского ядерного оружия против Советского Союза, должен был принимать президент или другой выживший высший представитель власти. Процедуры принятия такого решения и его исполнения были конкретными вопросами, которые требовали знания сугубо секретной информации. Так вот, мне поручили исследовать именно эту проблему управления не только ввиду ее очевидной важности, но и в силу прямой связи со всем, что я анализировал в своей аспирантской работе по принятию решений в условиях неопределенности. Речь шла о неординарном и, вполне возможно, последнем решении руководителя страны, принимаемом в условиях неопределенности.

Более того, при первом знакомстве с ключевым исследованием R-290 «Защита потенциала США по нанесению ответного удара в 1950-е и 1960-е гг.» мне бросилось в глаза слово, которое было в центре моих собственных раздумий в Гарварде в том году: «неоднозначность». В исследовании, одним из основных авторов которого был Альберт Уолстеттер наряду с Гарри Роуэном и Фредом Хоффманом, отмечалось, что некоторые наши планы зависели от наличия «стратегического» предупреждения о неизбежном нападении противника – разведывательных данных, полученных до пуска вражеских ракет.

«Однако планирование на основе стратегического предупреждения *опасно*^[43], и это нельзя недооценивать... Если мы хотим быть реалистичными и точными до наступления события, то самое большее, что можно сказать в ответ на вопрос “Намереваются ли Советы атаковать нас?”, это “Возможно”. А ответы на другие важные вопросы “Когда?” и “Где?” еще более неоднозначны... На самом деле вопрос заключается не в том, с каким упреждением мы получим эти сигналы, а в том, насколько однозначными они будут. Мы можем твердо утверждать, что они будут неоднозначными... Неоднозначность стратегического предупреждения усложняет проблему принятия решения».

Никакая иная формулировка проблемы принятия решения (самого важного в истории человечества!) не могла привлечь мое внимание сильнее, чем эта. «Неоднозначность» – это не тот термин, который использовался тогда в академических спорах о риске и неопределенности. Мне было особенно странно видеть его в секретном исследовании по той причине, что я как раз занимался внедрением в академическую практику этого технического термина, обозначающего субъективную неопределенность в результате отсутствия опыта или недостатка информации, неясности значения фактов, серьезного разногласия мнений наблюдателей и экспертов

или противоречивости разных типов свидетельств. (Я предполагал – и это позднее подтвердилось^[44] во многих лабораторных экспериментах, – что такую неопределенность нельзя охарактеризовать одной численной вероятностью распределения ни взглядов людей, ни их поведения, хотя и то, и другое не было «полностью неопределенным».)

Неопределенность стратегического предупреждения, описываемая здесь, похоже, подпадала под эту категорию. И Уолстеттер не уставал подчеркивать, что та же самая проблема существует и в контексте «тактического» предупреждения: данных радаров дальнего обнаружения^[45] и космических инфракрасных датчиков, сигнализирующих о приближении вражеских самолетов или запуске ракет в сторону Соединенных Штатов до того, как они достигнут цели.

Радары арктической линии раннего обнаружения (Distant Early Warning Line – DEW) не раз, как я узнал вскоре, принимали высоко летящие стаи гусей за советские бомбардировщики, приближающиеся к нам со стороны Северного полюса. До появления МБР у нас было несколько часов, чтобы распознать ошибку и тем временем поднять на боевое дежурство свои самолеты. А всего через год после моего прихода в RAND высокотехнологичная радиолокационная и компьютеризированная система раннего обнаружения баллистических ракет (Ballistic Missile Early Warning System – BMEWS) в первую же неделю эксплуатации сообщила о приближении ракет. В этот раз на принятие решения было всего 15 минут.

5 октября 1960 г. ряд высокопоставленных представителей отраслей, занимающихся разработкой технических систем для ВВС, включая Тома Уотсона, главу IBM, посетили командный пункт NORAD, устроенный в горе Шайен, штат Колорадо. Пит Петерсон, впоследствии министр торговли в администрации Никсона, а на тот момент исполнительный вице-президент Bell & Howell, занял кресло командующего на балконе перед огромной картой мира. В честь высоких гостей устроили своего рода ролевую игру. В своей книге «Управление и контроль» (Command and Control) Эрик Шлоссер рассказывает, что происходило в тот день, и его версия во многом совпадает с тем, что тогда доходило до меня и других, работавших над проблемой.

«Первый радиолокационный комплекс BMEWS, расположенный на авиабазе Туле, Гренландия, был введен в строй на той неделе, и бизнесменам объясняли суть численных уровней угрозы, идентифицируемых новой системой предупреждения.

Если над картой мира вспыхивала красная цифра 1, это означало, что к Соединенным Штатам приближаются неопознанные объекты. Если загоралась цифра 3, то уровень угрозы был высоким, и об этом немедленно уведомлялись Стратегическое авиационное командование (SAC) и Объединенный комитет начальников штабов. Максимальный уровень угрозы был равен 5 – это сгенерированное компьютером предупреждение означало 99,9 %-ную вероятность нападения на Соединенные Штаты. Петерсон сидел в кресле командующего, когда уровень угрозы вдруг начал расти. Загорелась цифра 4, и помещение быстро заполнили офицеры NORAD, а когда замелькала цифра 5, Петерсона и других руководителей быстро выпроводили из зала, отвели в небольшой офис, закрыли за ними двери и оставили в уверенности, что началась ядерная война».

Один из присутствовавших там бизнесменов, Чак Перси, в то время президент Bell & Howell, а позднее сенатор от штата Иллинойс, «вспоминал потом о чувстве паники в NORAD». Именно так при мне в том месяце говорили полковники ВВС, хотя Пентагон, когда слухи о случившемся все же просочились наружу, уверял, что сигнал предупреждения никто не воспринял всерьез. Одно обстоятельство заставило некоторых в NORAD счесть сигнал более «неод-

нозначным», чем компьютерные 99,9 %, – пребывание в Нью-Йорке Хрущева, который прибыл на той неделе для участия в ассамблее ООН. Как оказалось, радары BMEWS засекли отраженный от Луны сигнал, когда она всходила над Норвегией. Разработчики, как я слышал в Пентагоне, предполагали, что сигнал радара достигнет Луны, но не ожидали, что эхо будет таким же сильным, как и в случае приближающихся ракет. Ошибаются все.

Во время чтения упомянутых заключений Уолстеттера меня поразило не только акцент на неоднозначности сигналов предупреждения, но и указание на когнитивные и поведенческие эффекты этой неоднозначности. Она неизбежно должна приводить к *задержке* ответной реакции на разных уровнях управления вооруженными силами, а также к ответной реакции самого президента. В ракетную эру задержка на несколько минут означает лишение способности нанести ответный удар и уничтожение командования. Но что должен делать президент или военное командование в случае получения сигнала о «возможной» атаке или даже сигнала о 99,9 %-ной вероятности от компьютерной программы, которая может просто дать сбой?

Уолстеттер предлагал путь повышения выживаемости находящихся в боевой готовности бомбардировщиков при неоднозначном или неясном сигнале предупреждения без вступления в войну. Для частичного решения проблемы ложных сигналов и недостатка информации Альберт разработал процедуру «подтверждающего контроля». Она предполагала отделение «подъема бомбардировщиков в воздух по сигналу предупреждения» от принятия решения об исполнении военных планов, т. е. отправки бомбардировщиков к целям. Самолеты, поднятые в воздух при подтверждающем контроле, должны были следовать в определенный район сбора и кружить там до тех пор, пока не получат прямой, «подтверждающий» приказ об «исполнении», т. е. движения к заранее определенным целям, или приказ о возвращении на базу.

Если они не получали *никакого* приказа, то должны были возвращаться на свою базу в точке, для достижения которой у них хватало топлива. (У баллистических ракет такая возможность отсутствует, их нельзя отозвать после запуска. Президент Рейган как-то раз заявил об обратном^[46] для ракет, базирующихся на подводных лодках. Наверное, он был не совсем в курсе. Непростительная ошибка для президента.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Многие из этих документов См. National Security Study Memorandum 1 (NSSM-1), Vietnam Options paper, and others: ellsberg.net/Vietnam.

2.

включая некоторые исследования по ядерной политике National Security Study Memorandum 3 (NSSM-3), 1969, – все еще нерассекреченный документ, несмотря на неоднократные запросы неправительственной организации National Security Archive в соответствии с Законом о свободе информации.

3.

я подготовил проект секретного руководства Полный текст и сопроводительные примечания см. на ellsberg.net/BNSP.

4.

штатным гражданским сотрудником Министерства обороны высшего уровня GS-18 – гражданский разряд, эквивалентный чему-то среднему между генералом-майором и генералом-лейтенантом в вооруженных силах. Когда я перешел в Госдепартамент в 1964 г., он был эквивалентным дипломатическому рангу FSR1.

5.

Я рассказал о том, что собираюсь сделать См. Daniel Ellsberg, *Secrets: A Memoir of Vietnam and the Pentagon Papers* (New York: Penguin, 2003), chapter 7, “Vietnam: The Lansdale Team,” 102–108.

6.

было собрано отдельное закрытое большое жюри См. James Goodale, *Fighting for the Press: The Inside Story of the Pentagon Papers and Other Battles* (New York: CUNY Journalism Press, 2013), 174–179.

7.

Как оказалось, президента Никсона проинформировали См. Daniel Ellsberg, *Secrets*, 426–443.

8.

и не его противоправные действия См. Daniel Arkin, “Daniel Ellsberg: Nixon White House Wanted to ‘Shut Me Up’ With Assault,” NBC News, June 19, 2017, www.nbcnews.com/politics/politics-news/daniel-ellsberg-nixon-white-house-wanted-shut-me-assault-n774376, со ссылкой на Nick Akerman, Watergate Special Prosecutors’s Office, “Investigation into the Assault on Anti-War Demonstrators on the Capitol Steps on May 3, 1972,” June 5, 1975.

9.

В течение следующих 13 дней См. Daniel Ellsberg, *Secrets*, chapter 29, “Going Underground,” 387–410.

10.

National Security Archive National Security Archive, George Washington University, nsarchive.gwu.edu/nsa/the_archive.html. См. многочисленные ссылки далее.

11.

десятки важных вопросов В их числе моя 40-летняя антиядерная борьба с конца Вьетнамской войны в 1975 г. до настоящего времени, включая многие из 87 арестов за гражданское неповиновение (один на судне Sirius организации «Гринпис» в Финском заливе в 1982 г. в ходе акции против испытания ядерного оружия в Советском Союзе; самый последний – 9 августа 2017 г., в день памяти о бомбардировке Нагасаки за протесты против продолжения разработки ядерного оружия в Ливерморской национальной лаборатории Лоуренса, Ливермор, штат Калифорния); история аварий с ядерным оружием и ложных сигналов предупреждения, которые значительно повышают риски ядерной эры, и пугающее сходство раскрытого недавно ядерного кризиса 1983 г. (не воспринятого должным образом со стороны США в тот момент: см. ссылки далее) с нынешней ситуацией возобновления холодной войны и взаимной дорогостоящей «модернизации» американских и русских стратегических сил первого удара в сочетании с новыми возможностями ведения кибервойны.

12.

рассекреченными в последнее время документами Среди наиболее важных – ряд электронных бюллетеней National Security Archive: “Newly Declassified Documents on Advance Presidential Authorization of Nuclear Weapons Use,” National Security Archive electronic briefing book, August 30, 1998, nsarchive.gwu.edu/news/predelegation/predel.htm; “First Declassification of Eisenhower’s Instructions to Commanders Predelegating Nuclear Weapons Use, 1959–1960,” National Security Archive Electronic Briefing Book No. 45, May 18, 2001, nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB45/; “The Creation of SIOP-62: More Evidence on the Origins of Overkill,” National Security Archive Electronic Briefing Book No. 130, July 13, 2004, nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB130/index.htm; “New Evidence on the Origins of Overkill First Substantive Release of Early SIOP Histories,” National Security Archive Electronic Briefing Book No. 236, originally posted November 21, 2007, updated October 1, 2009, nsarchive.gwu.edu/nukevault/ebb236/index.htm; “‘It Is Certain There Will Be Many Firestorms’: New Evidence on the Origins of Overkill”: National Security Archive Electronic Briefing Book No. 108, January 14, 2004, nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB108/index.htm.

13.

В их отсутствии я пытаюсь разными путями и средствами В дополнение к многочисленным лекциям, интервью и статьям (см. ellsberg.net/articles) сюда входят свидетельские показания на некоторых судебных разбирательствах против меня за антиядерные протесты. В частности, во время разбирательства в Голдене, штат Колорадо, 27 ноября 1979 г. за четыре ареста при блокировании железной дороги к заводу Rocky Flats, выпускавшему в то время компоненты нейтронных бомб, я раскрыл многие моменты (тогда совершенно секретные) из первых глав этой книги в расчете на то, что их обнаружение под присягой во время суда придаст им убедительность. См. мои показания в книге Joseph Daniel, *A Year of Disobedience and a Criticality of Conscience* с моим предисловием и послесловием (Boulder, CO: Story Arts Media, 2013). В ряду статей особое внимание обратите на “Roots of the Upcoming Nuclear Crisis (или Dr. Strangelove Lives: How Those Who Do Not Love the Bomb Should Learn to Start Worrying),” David Krieger, ed., *The Challenge of Abolishing Nuclear Weapons* (New York: Routledge, 2011), 45–76.

14.

по открытой литературе См., в частности, работы Ханса Кристенсена, директора организации Nuclear Information Project Федерации американских ученых, в том числе “US Nuclear War Plan Updated Amidst Policy Review,” April 4, 2013, fas.org/blogs/security/2013/04/oplan8010-

12/. Joseph Trevithick, "Here's America's Plan for Nuking Its Enemies, Including North Korea," Warzone, April 7, 2017, www.thedrive.com/the-war-zone/9056/heres-americas-plan-for-nuking-its-enemies-including-north-korea.

15.

«Если оно у нас есть, то почему мы не можем использовать его?» Harper Neidig, "Scarborough: Trump Asked Adviser, Why US Can't Use Nuclear Weapons," The Hill, August 3, 2016, thehill.com/blogs/ballot-box/presidential-races/290217-scarborough-trump-asked-about-adviser-about-using-nuclear.

16.

если, очевидно, не окажется первым См. важное и актуальное эссе, освежающее многие вопросы, затрагиваемые в этой книге: Bruce Blair, "What Exactly Would It Mean to Have Trump's Finger on the Nuclear Button? A Nuclear Launch Expert Lays Out the Various Scenarios," Politico Magazine, June 11, 2016, www.politico.com/magazine/story/2016/06/2016-donald-trump-nuclear-weapons-missiles-nukes-button-launch-foreign-policy-213955.

17.

управления и контроля ядерных вооружений См. мое эссе, датированное августом 1960 г.: "Strategic Objectives and Command Control Problems," ellsberg.net/RAND. Оно было подготовлено как внутренний документ RAND, но широко разошлось в то время в оборонном ведомстве в качестве одного из первых несекретных исследований «проблем управления и контроля».

18.

Постоянно мелькавшие в американской прессе См. William M. Arkin, Cynthia McFadden, Kevin Monohan, and William Windrem, "Trump's Options for North Korea Include Placing Nukes in South Korea," NBC News, April 7, 2017, www.nbcnews.com/news/us-news/trump-s-options-north-korea-include-placing-nukes-south-korea-n743571; William M. Arkin, "North Korea Has at Least One Thing Right About America's Plans for War," Vice News, March 15, 2016, news.vice.com/article/united-states-plans-for-war-with-north-korea.

19.

«Мертвой руке» См. David E. Hoffman, *Dead Hand: The Untold Story of the Cold War Arms Race and Its Dangerous Legacy* (New York: Anchor Books, 2010). Описание и дополнительные ссылки на систему «Мертвая рука» см. в главе 19 «Парадокс Стрейнджлава».

20.

Раскрытая после распада Советского Союза информация См., в частности, Aleksandr Fursenko and Timothy Naftali, "One Hell of a Gamble": Khrushchev, Castro, and Kennedy, 1958–1964 (New York: W. W. Norton & Co., 1997). Aleksandr Fursenko and Timothy Naftali, *Khrushchev's Cold War: The Inside Story of an American Adversary* (New York: W. W. Norton & Co., 2006); Sergei N. Khrushchev, *Nikita Khrushchev and the Creation of a Superpower* (University Park, PA: Penn State University Press, 2000); Sergo Mikoyan, *The Soviet Cuban Missile Crisis: Castro, Mikoyan, Kennedy, Khrushchev, and the Missiles of November*, ed. Svetlana Savranskaya (Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2012); General Anatoli I. Gribkov and General William Y. Smith, *Operation Anadyr: U.S. and Soviet Generals Recount the Cuban Missile Crisis* (Chicago: Edition Q, 1994). Michael Dobbs, *One Minute to Midnight: Kennedy, Khrushchev, and Castro on the Brink of*

Nuclear War (New York: Alfred A. Knopf, 2008). Я лично встречался и разговаривал с Сергеем Хрущевым, Серго Микояном и Тимоти Нафтали.

21.

Стратегическая ядерная система более уязвима с точки зрения ложных сигналов оповещения. См. отчет бывшего сотрудника ЦРУ Питера Винсента Прая: Peter Vincent Pry, *War Scare: Russia and America on the Nuclear Brink* (Westport, CT: Praeger, 1999). См. также Schlosser, *Command and Control*; ссылки по 1983 г. ниже.

22.

Более поздние работы подтвердили. См. Scott D. Sagan, *The Limits of Safety: Organizations, Accidents, and Nuclear Weapons* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993). См. также Eric Schlosser, *Command and Control: Nuclear Weapons, the Damascus Accident, and the Illusion of Safety* (New York: Penguin Press, 2013), особенно в части, касающейся ложных сигналов в 1979-м и 1980 г. См. книги, написанные Брюсом Блэром, в том числе: Bruce G. Blair, *Strategic Command and Control: Redefining the Nuclear Threat* (Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1985); *The Logic of Accidental Nuclear War* (Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1993); *Global Zero Alert for Nuclear Forces* (Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1995).

23.

ложные сигналы оповещения в... 1983 По вопросу недавно подтвержденного военного психоза в Советском Союзе в 1983 г., включая особо опасный ложный сигнал оповещения, см. работу бывшего аналитика ЦРУ Бенджамина Фишера: Benjamin B. Fischer, "A Cold War Conundrum: The 1983 Soviet War Scare," first published in CIA, *Studies in Intelligence*, 1996. См. также Benjamin B. Fischer, "The Soviet-American War Scare of the 1980s," *International Journal of Intelligence and Counterintelligence* 19 (2006): 480–518. Особенно актуально в связи с текущей обеспокоенностью в отношении кибервойны, которая может вызвать взаимные опасения и спровоцировать упреждающий удар: Benjamin B. Fischer, "Canopy Wing: The U. S. War Plan That Gave the East Germans Goose Bumps," *International Journal of Intelligence and Counterintelligence* 27 (2014): 431–464. Для прямого подтверждения серьезности реакции на этот кризис в Советском Союзе см. секретное исследование 1990 г., которое было рассекречено и увидело свет 25 лет спустя в 2015 г.: "The 1983 War Scare Declassified and For Real: All Source Intelligence Report Finds US-Soviet Relations on 'Hair-Trigger' in 1983," edited by Nate Jones, Tom Blanton, and Lauren Harper, *National Security Archive Electronic Briefing Book* 533, October 24, 2015, nsarchive.gwu.edu/nukevault/ebb533-The-Able-Archer-War-Scare-Declassified-PFIAB-Report-Released/. Дополнительное документальное подтверждение и анализ см. в Nate Jones, ed., *Able Archer 83: The Secret History of the NATO Exercise that Almost Triggered Nuclear War* (New York: New Press, 2016). Политика Рейгана, которая так напугала Советский Союз, документально подтверждается, в том числе пространными интервью, в книге Роберта Шира: Robert Scheer, *With Enough Shovels: Reagan, Bush, and Nuclear War*, updated edition (New York: Vintage Books, 1983).

24.

последние научные расчеты. См. Steven Starr, "The Ban Treaty Must Address the Scientifically Predicted Consequences of Nuclear War," *Bulletin of the Atomic Scientists*, May 19, 2017, thebulletin.org, в этой статье приведен хороший перечень последних публикаций по данному вопросу. См. Owen B. Toon, et al., "Atmospheric Effects and Societal Consequences of Regional Scale Nuclear Conflicts and Acts of Individual Nuclear Terrorism," *Atmospheric Chemistry and Physics* 7 (2007); Alan Robock, et al., "Climatic Consequences of Regional Nuclear Conflicts,"

Atmospheric Chemistry and Physics 7 (2007); Michael Mills, et al., “Massive Global Ozone Loss Predicted Following Regional Nuclear Conflict,” *Proceedings of the National Academy of Sciences* 105, no. 14 (2007): 5307–5312; Michael J. Mills, et al., “Multi-decadal Global Cooling and Unprecedented Ozone Loss Following a Regional Nuclear Conflict,” *Earth’s Future* 2 (2014), 161–176; Andrea Stenke, et al., “Climate and Chemistry Effects of a Regional Scale Nuclear Conflict,” *Atmospheric Chemistry and Physics* 13 (2013): 9713–9729; Alan Robock, et al., “Nuclear Winter Revisited with a Modern Climate Model and Current Nuclear Arsenals: Still Catastrophic Consequences,” *Journal of Geophysical Research* 112 (2007).

25.

На Горбачева, по сообщениям См. Alan Robock, “Nuclear Winter,” *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change* 1 (May/June 2010): 425, climate.envsci.rutgers.edu/pdf/WiresClimateChangeNW.pdf. «Михаил Горбачев, возглавлявший тогда Советский Союз, так рассказывает в интервью в 1994 г. о том, что он чувствовал, когда получил контроль над советским ядерным арсеналом: “Возможно, это была эмоциональная реакция. Однако она сочеталась с моим пониманием той мощи, которая находилась в нашем распоряжении. Одной тысячной доли ее было достаточно, чтобы уничтожить все живое на Земле. А кроме того, я знал об эффекте ядерной зимы”. В 2000 г. он добавил: “Модели, разработанные российскими и американскими учеными, показывали, что ядерная война приведет к ядерной зиме, губительной для жизни на Земле; понимание этого требовало от нас, людей чести и высокой морали, немедленных действий”».

26.

Рейганом, который сделал аналогичную ссылку *New York Times*, February 12, 1985, “Interview with the President on a Range of Issues,” www.nytimes.com/1985/02/12/world/transcript-of-interview-with-president-on-a-range-of-issues.html. «Как говорят нам многие уважаемые ученые, такая война не может принести победу никому, поскольку мы уничтожим Землю в том виде, в каком знаем ее. Если вспомнить парочку прошлых природных катастроф – в прошлом столетии, в 1800-х гг., таких стихийных бедствий, как землетрясения, т. е. я имею в виду извержения вулканов, – мы видим, что они изменяли погоду, да так, что в странах с умеренным климатом в июле шел снег. В тот год говорили, что лета не было. Но если это мог сделать один вулкан, то что произойдет при масштабном обмене ядерными ударами? Ученые в этом случае говорят уже о ядерной зиме». В отличие от Горбачева, Рейган выводит из этого не только желательность ликвидации всех ядерных вооружений, но и необходимость реализации в космическом пространстве своей Стратегической оборонной инициативы (так называемых «Звездных войн»), которая противоречит Договору об ограничении систем противоракетной обороны с Советами и мешает достижению договоренности с Горбачевым о взаимной ликвидации ядерного оружия на саммите в Рейкьявике.

27.

Кан утверждал, что вполне мог бы сконструировать См. Herman Kahn, *On Thermonuclear War* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960), 144–156. Herman Kahn, “‘A Doomsday Machine’ – Last Word in the Arms Race?” *US News & World Report* (May 1, 1961): 61, 64.

28.

Джон Сомервилл позднее назвал омницидом См. John Somerville, “Nuclear ‘War’ is Omnicide,” *Peace Research*, April 1982.

29.

Герман Кан в 1960 г. *On Thermonuclear War*, 523–524, «Машина Судного дня... не всегда будет чем-то абсолютно теоретическим. Хотя сегодня ее создание кажется технически невозможным, при отсутствии должного контроля исследований и разработок она, скорее всего, станет реальностью через 10–20 лет. Центральная задача контроля над вооружениями – весьма возможно центральная задача – заключается в отдалении того момента, когда машины Судного дня или их эквиваленты станут практически реализуемыми, а когда и если они станут реальными, то в исключении создания их». В 1983 г. ученые обнаружили, что американская машина Судного дня, способная привести к ядерной зиме, существовала уже в 1960 г., когда Кан сделал свое заявление.

30.

по эффектам ядерной зимы В числе оригинальных исследований см. R. P. Turco, et al., “Nuclear Winter: Global Consequences of Multiple Nuclear Explosions,” *Science* 122 (1983): 1283–1292. Carl Sagan, “Nuclear War and Climactic Catastrophe: Some Policy Implications,” *Foreign Affairs* 62 no. 2 (1983/84): 257–292; см. также расширенную версию Lester Grinspoon, ed., *The Long Darkness: Psychological and Moral Perspectives on Nuclear Winter* (New Haven, CT: Yale University Press, 1986), 7–62. Paul R. Ehrlich, et al., *The Nuclear Winter: The World After Nuclear War* (London: Sidgwick & Jackson, 1985). Carl Sagan and Richard Turco, *A Path Where No Man Thought: Nuclear Winter and the End of the Arms Race* (New York: Random House, 1990).

31.

предпосылки последнего оправдания О споре вокруг «решения» сбросить атомную бомбу см. Gar Alperovitz, *Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam: The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power* (New York: Penguin Books, expanded and updated edition, 1985; first published 1965); Gar Alperovitz, *The Decision to Use the Atomic Bomb* (New York: Vintage Books, 1986); Martin Sherwin, *A World Destroyed: Hiroshima and Its Legacies* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2003; first published 1975); Barton J. Bernstein, ed., *The Atomic Bomb: The Critical Issues* (New York: Little, Brown and Company, 1976); Stewart L. Udall, *The Myths of August: A Personal Exploration of Our Tragic Cold War Affair with the Atom* (New York: Pantheon, 1994); Leon V. Sigal, *Fighting to a Finish: The Politics of War Termination in the United States and Japan, 1945* (New York: Cornell University Press, 1998); Kai Bird and Lawrence Lifschultz, eds., *Hiroshima’s Shadow: Writings on the Denial of History and the Smithsonian Controversy* (Stony Creek, CT: The Pamphleteer’s Press, 1998); J. Samuel Walker, *Prompt and Utter Destruction: Truman and the Use of the Atomic Bombs Against Japan*, 3rd revised edition (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016). Особенно интересна наряду со множеством других исследований последняя работа Цуёси Хасегавы: Tsuyoshi Hasegawa, *Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan* (Cambridge, MA: Belknap Press, 2005), а также Tsuyoshi Hasegawa, ed., *The End of the Pacific War: Reappraisals* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2007). Scott D. Sagan and Benjamin A. Valentino, “Revisiting Hiroshima in Iran: What Americans Really Think about Using Nuclear Weapons and Killing Noncombatants,” *International Security* 42, no. 1 (Summer 2017): 41–70.

32.

мир катится в пропасть См. Leo Szilard, *Leo Szilard: His Version of the Facts*, ed. Spencer R. Weart and Gertrud Weiss Szilard (Cambridge: The MIT Press, 1980), 55.

33.

как черный день человечества См. там же, с. 146.

34.

свое оружие победы Одну из самых красноречивых дискуссий относительно надежд на бомбу в послевоенном мире см. в Greg Herken, *The Winning Weapon: The Atomic Bomb in the Cold War, 1945–1950* (New York: Alfred A. Knopf, 1981).

35.

Я знал, чем хотел заниматься См. Daniel Ellsberg, “Decision-making Under Uncertainty: The Contributions of von Neumann and Morgenstern,” (honors thesis, Harvard University, 1952). Daniel Ellsberg, “Classic and Current Notions of ‘Measurable Utility,’ ” *Economic Journal* 64 (1954): 225–50.

36.

рассматривалась ситуация конфликта См. Daniel Ellsberg, “Theory of the Reluctant Duelist,” *American Economic Review*, vol. 46 (1956): 909–23. Хочу заметить, что, хотя меня нередко называли впоследствии специалистом по теории игр, в основе моей диссертации и этой статьи лежала критика решения фон Неймана и Morgenштерна для рациональной стратегии в «играх с нулевой суммой для двух лиц», основы классической теории игр. Это, возможно, был первый – и на протяжении многих лет единственный – критический, скептический взгляд на эту теорию.

37.

управляемую ракету к любой точке на Земле См. World Circling Space Ship, www.astronautix.com/w/worldcirclingspaceship.html.

38.

В более ранних исследованиях советским МБР См. Albert Wohlstetter, Fred S. Hoffman, and Henry S. Rowen, “Protecting U.S. Power to Strike Back in the 1950’s and 1960’s,” staff report, R-290, (Santa Monica, CA: RAND Corporation, September 1, 1956). Совершенно секретно, рассекречено примерно в середине 1960-х гг., albertwohlstetter.com/writings/19560901-AW-EtAl-R290.pdf.

39.

Тезис о новых «военных интеллектуалах» См. “The Military Intellectuals,” *London Times Literary Supplement*, August 25, 1961.

40.

нападение Японии на Перл-Харбор и наши ВВС на Филиппинах в декабре 1941 г. оказалось таким неожиданным Позднее оно было рассекречено и опубликовано под названием *Pearl Harbor: Warning and Decision* (Palo Alto, CA: Stanford University Press, 1962).

41.

не могли обеспечить такой же уровень потерь См. Wohlstetter, et al., staff report R-290, 100.

42.

Я присоединился к небольшой группе См. мою работу “Strategic Objectives and Command Control Problems,” August 12, 1960, ellsberg.net. Первоначально это был внутренний документ RAND, однако впоследствии его рассекретили, и он широко разошелся за пределами RAND среди тех, кто занимался контролем и управлением.

43.

Однако планирование на основе стратегического предупреждения опасно См. Albert Wohlstetter, Fred S. Hoffman, and Henry S. Rowen, "Protecting U. S. Power to Strike Back in the 1950's and 1960's," staff report, R-290 (Santa Monica, CA: RAND Corporation, September 1, 1956). Совершенно секретно, рассекречено примерно в середине 1960-х гг., albertwohlstetter.com/writings/19560901-AW-EtAl-R290.pdf.

44.

Я предполагал – и это позднее подтвердилось См. компиляцию Марка Мачина: Mark Machina, "Further Readings on Choice Under Uncertainty, Beliefs and the Ellsberg Paradox," a selective listing as of 2001 from "450 scholarly articles that reference Ellsberg (1961)" [моя статья 1961 г. "Risk, Ambiguity and the Savage Axioms"] в моей книге Risk, Ambiguity and Decision (Garland, NY: 2001; Kindle edition: Routledge, 2015), xxxix – xlvi.

45.

радаров дальнего обнаружения См. Eric Schlosser, Command and Control: Nuclear Weapons, the Damascus Accident, and the Illusion of Safety (New York: Penguin Press, 2013), 255.

46.

Президент Рейган как-то раз заявил об обратном См. "On the Record; Reagan on Missiles," New York Times, October 17, 1984.